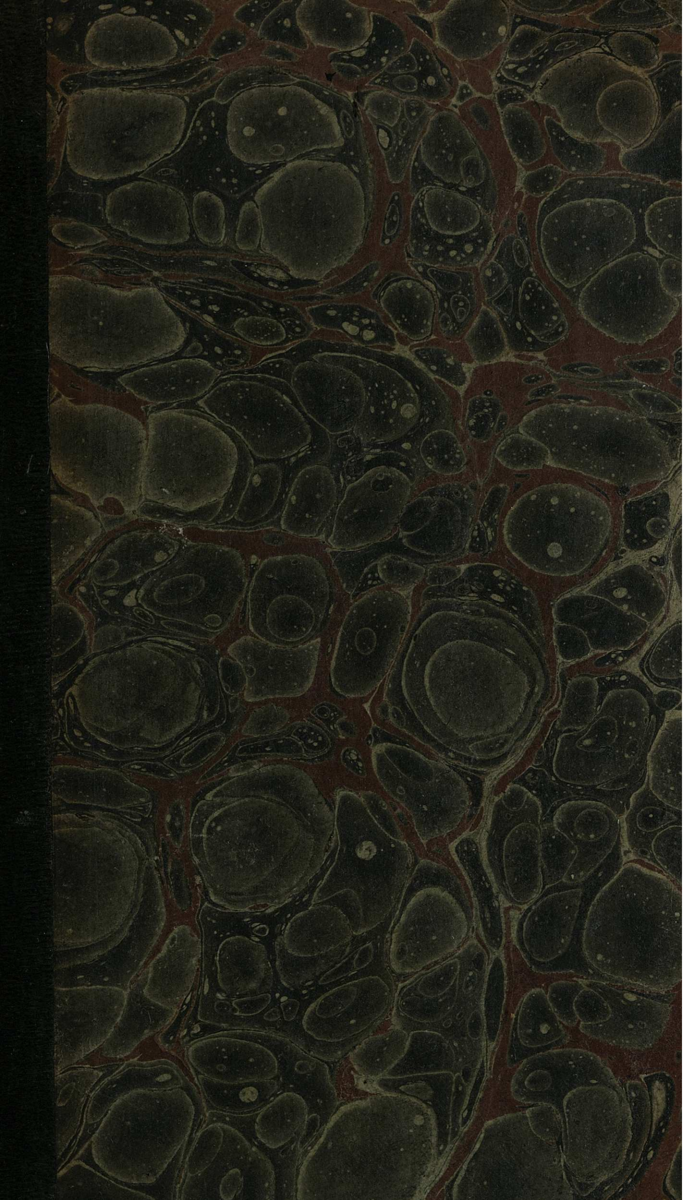
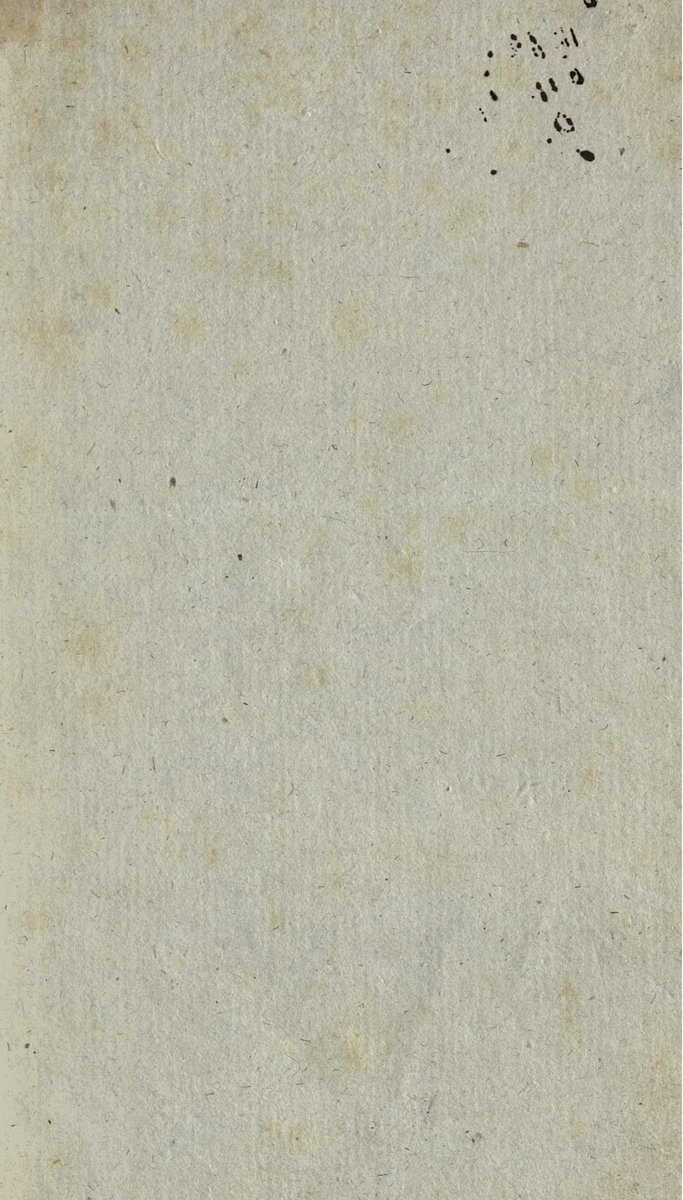

Каталоги вин

Т. VI отд.

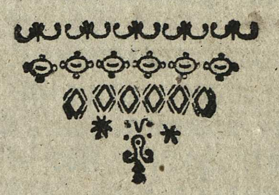
СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ VI.

Съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ

ВъСанктпетербургѣ.

1766 года.

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

XIX. НОВОСТЬ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВЕСТАЛЫ.

Между тѣмъ, какъ Ерихъ и Клодомаркъ обращали мысли свои только къ предмѣтамъ толь сильно поражающимъ сердца ихъ, посолъ Кароломановъ не забывалъ ничего, дабы побудить Витекнида, покориться его могуществу. Но сей варварскій государь прилѣпляясь еще сильно къ служенію своихъ идоловъ, и боясь повиноваться, будучи толь долгое время повелителемъ, старался всегда отвѣтствовать двоякимъ знаменованіемъ, дабы привести себя между тѣмъ въ состояніе противиться силою оружія. Онъ бывалъ толь

часто поражаемъ храбрымъ монархомъ французскимъ, что силы его не дозволяли ему съ горделивостію отринуть предложеніи сего государя; но не имѣя никакова намѣренія къ принятію оныхъ, ожидалъ отправленія посла, пока не будетъ удостовѣренъ въ сильной помощи, которую хотѣлъ къ нему прислать Сигисмундъ, Король Датскій. Посолъ же съ своей стороны легко проразумѣвая, что Витикиндъ старался только продолжать время, далъ про то знать Карлу, дабы принялъ онъ противъ того свои мѣры. Монархъ христіанскій удостовѣрась, что таковыя отлагательства скрываютъ какое нибудь новое предпріятіе, и коего армія ожидала только его повелѣній, выѣхалъ изъ города Петерборна, въ коемъ находился, прибылъ къ своимъ войскамъ, принялъ надъ оными команду, и маршировалъ непрестанно къ Ересбургу, дабы быть въ готовности онымъ завладѣть, хотя Саксы покорятся, или хотя Посла его съ неудовольствіемъ отъ себя отпустятъ.

Между тѣмъ какъ маршъ его былъ медлителенъ и скрытенъ, то Король

роль Витекиндъ не имѣлъ о томъ ни малаго подозрѣнія; и ласкаясь что Датчане въ пути находящіеся немедлѣнно прибудутъ, содержалъ посла въ невѣдѣніи, дабы воспрепятствовать ему проникнуть ево намѣреніе: и думая умилостивить бога своего Ирминзуля, опредѣлилъ жертвоприношеніе, воспослѣдовать имѣвшее на другій день свиданія Ерихова и верховнаго жреца. Посолъ не хотѣлъ при ономъ появиться, и употреблялъ всѣ силы, дабы отсовѣтовать Принцу при томъ присутствовать: но онъ бралъ въ томъ столь великое участіе, что не могъ безъ того обойтися, и будучи принужденъ отказать въ томъ послу, обѣщалъ ему только быть при томъ безъ всякой свиты, и не дѣлать никакихъ наглостей несмотря на отвращеніе, которое имѣлъ къ сему идолослуженію. Лишъ только первые лучи солнца провозвѣстили возвратъ онаго, какъ весь городъ Иресбургъ былъ въ движеніи для сего торжества. Какъ жертвоприношеніе звѣрей происходило внѣ храма, то поставленъ былъ родъ олтаря на площади, на коемъ находился

идолЪ Ирминзуль: по правую и по лѣвую сторону площади поставлено было множество возвышенныхъ мѣстъ для Короля, вельможъ, и знатныхъ особъ: въ низу же оныхъ стояла гвардія королевская и караулъ обѣихъ храмовъ, окружающій всю площадь раздѣленную на двѣ почти равныя части оградою отдѣляющею народъ отъ храма, дабы жрецъ и Весталы не были отъ онаго обезпокоиваны. Влюбленный Ерихъ желая тамъ только разсматривать жрицу, сталъ между народомъ, но толь близко отъ балюстрада, что не возможно было воспрепятствовать ему видѣть Кломиру въ лице, и ею быть видиму. Когда дворъ прибылъ, тогда верховный жрецъ вышелъ изъ храма на переди жертвоприносителей, а между тѣмъ и жрица вышла изъ своего въ провожаніи всѣхъ Весталъ, и какъ тѣ, какъ и другіе пѣли пѣсни въ честь ложному богу. Они приближились къ олтарю, верховный жрецъ съ одной, а жрица съ другой стороны; она и всѣ Весталы имѣли лице подъ покрываломъ.

Кло-

Клодомаркъ взялъ ножъ, коимъ надлежало закалать жертву, и отдалъ оной жрицѣ, которая принесла краткую молитву, прося Ирминзуля принять благоугодно жертву, а между тѣмъ временемъ многіе служители храма искали дикаго буйвола, и привели его ко храму. Верховный жрецъ взялся за веревку, коею привязанъ онъ былъ къ оградѣ; потомъ жрица приподняла свое покрывало, и показавъ глазамъ всего собранія сію чудесную красоту, которую Витикиндъ еще не позабылъ и которую Принцъ Норвежскій обожалъ тайно; она подняла руку, дабы заклать жертву. Но въ сію бѣдственную минуту взоры ея встрѣтились съ Ериховыми, она смутилась, и не попавъ по жертвѣ, перерѣзала веревку, коею привязанъ былъ сей страшный звѣрь, коему дала только самую легкую рану; но быкъ взбѣсясь почувствовавъ себя уязвленна, и пользуясь вольностію, полученною имъ отъ перерѣзанія веревки, предваривъ мщеніе свое ужаснымъ мычаніемъ, бросается тотчасъ на жрецовъ, опровергаетъ олтари, и бѣжитъ къ жри-

цѣ. Всѣ бѣгутъ отъ страха и ужаса, каждый старается избѣжать его свирѣпства; самые отважные скачутъ со своихъ амвоновъ въ низъ, дабы избѣжать смерти; Клодомаркъ испужавшись самъ, спасается во храмъ; Араспъ блѣднѣетъ отъ ужаса при опасности, коей подвергается Жрица, которая блѣднѣетъ, трепещетъ, оставляется отъ всѣхъ Весталъ, и незнаетъ, куда направить стопы свои; но сіи различныя движенія воспослѣдовавшія въ менѣе времени, нежели могъ я ихъ изобразить, не были однакожъ поспѣшнѣе того, какъ появился храбрый Ерихъ, дабы вывесть ее изъ опасности. Сей храбрый Принцъ пренебрегши законы, коихъ строгость полагала новую цѣну сему великодушному поступку, лишь только увидѣлъ быка отвязавшагося, какъ не сомнѣваясь о его ярости, взялъ саблю въ свою руку, и перескочивъ ограду бросился между Весталою и симъ страшнымъ звѣремъ, невзирая на крикъ всего собранія, напоминающаго ему то, что запрещено нападать на жертву. Но презрѣвъ безбожный ихъ

ужасъ,

ужасъ, и будучи крайне возбужденъ предстоящимъ любви своей предмѣтомъ, дабы спасти жизнь той, которая сама избавила его отъ смерти, ожидаетъ онъ буйвола, которой наклонивъ голову, дабы возпользоваться съ выгодою страшнымъ оружїемъ, коимъ природа ево украсила, готовился уже поднять его на оное; какъ храбрый его сопротивникъ избѣжавъ удара проворно, рукою твердою и храброю схватилъ за одинъ изъ ево роговъ, а другою поднявши страшную свою саблю, поразилъ ево оною такъ счастливо, что отдѣлилъ голову отъ тѣла.

Неустрашимость сего юнаго героя исполнила сперва собранїе удивленїемъ. Тѣ, коихъ страхъ принудилъ бѣжать, возвратились вспять, дабы быть свидѣтелями конца сея битвы; и сей варварскїй народъ прїобыкшїй видѣть теченїе крови человѣческїя, ласкалъ себя, что Ерихъ имѣетъ быть самъ жертвою Ирминзулю, какъ побѣда его повергла ихъ паки въ новое удивленїе; но понеже суевѣрїе одержало верьхъ надъ онымъ, то бу-

дучи удалены отъ того, чтобъ воспѣвать славу такого поступка, производили только вопль и рыданіи, требующія мести у Витекинда заучиненное симъ чужестранцемъ преступленіе, причинивъ смерть поганою рукою звѣрю назначенному на жертву Саксонскому Идолу. и между тѣмъ какъ Весталы и Жрецы ожидали монаршаго рѣшенія, и храбрый Ерихъ будучи доволенъ тѣмъ, что спаслъ дни прекрасныя Клодомиры, казался такъ спокойнымъ, какъ будтобы побѣдѣ его надлежало доставить ему честь тріумфа; слышны были со всѣхъ сторонъ гласы, просящіе ево смерти. Возмущеніе было толь велико, и толпа народа толь знатна, что карaулъ находящійся при храмѣ и гвардія Королевская разсыпались по обѣимъ сторонамъ, не могши наблюдать никакова порядка, ниже собраться вмѣстѣ. Араспъ влекомый равно какъ и другіе силою сего стеченія, былъ въ толь дальнемъ отстояніи отъ первосвященника, что не могъ ево извѣстить о учиненномъ имъ важномъ познаніи, и никогда не видано было толь ужаснаго смятенія.

нія. Однакожъ Витекиндъ желая оное прекратить, удовлетворивъ собственное свое безчеловѣчіе, отдавалъ толико приказовъ, одинъ за другимъ, чтобъ задержать побѣдителя сего буйвола; почему каждый старался къ нему подойти, и ево схватить. Но верховный Жрецъ противу положивъ власть свою надъ симъ варварскимъ народомъ, впустилъ Ериха во храмъ, приказалъ затворить онаго врата, и продравшись сквозь толпу, пошелъ къ Королю, и увѣщевалъ ево, что преступникъ долженъ быть отданъ единственно подъ его стражу: и что преступленіемъ своимъ здѣлавшись жертвою Ирминзуля на мѣсто прежде ему назначенной, всѣ тѣ, кои осмѣлятся положить на него руку, здѣлаются виновниками равнаго нарушенія закона, какое онъ учинилъ, и достойны будутъ по оному равно какъ и онъ принестися на жертву.

Монархъ Саксонскій пораженъ будучи истинною сего разсужденія, и наполненъ почтеніемъ къ первосвященнику, послушался ево увѣщанія, и готовился отдать ему на

на произволъ сего свѣтлѣйшаго преступника, какъ Жрица не свѣдущая о участiи, кое верховный жрецъ принималъ въ его судьбинѣ, и боясь столькожъ видѣть храбраго своего защитника въ его рукахъ, сколько и въ Витекиндовыхъ, подошедъ въ провожанiи своихъ Весталъ, бросилась къ ногамъ сего государя, и говоря ему съ жаромъ воспламеняющимся въ сердцѣ ея важнѣйшею причиною нежели служенiемъ Ирминзулю, представляла ему, что верховный Жрецъ не имѣетъ ни малаго права надъ сею жертвою, что законъ осуждаетъ его быть отъ него принесену на жертву, когда будетъ къ тому время; но оной не повелѣваетъ пребывать ему въ его власти, пока не наступитъ часъ жертвоприношенiя, что сей незнакомецъ убивъ буйвола освященнаго, коего надлежало ей пожерти, долженъ быть ей врученъ, дабы быть у ней вмѣсто той жертвы, коей онъ ее лишилъ, и что единственно отъ руки ея долженъ верховный Жрецъ его принять, когда придетъ время вести его къ олтарю, и притомъ просила его, чтобъ преступникъ отведенъ

веденъ былъ въ темницы ея храма, и отданъ подъ стражу хранящихъ безопасности Весталъ.

Клодомаркъ чудившійся сему препятствію и почитая за лютость то, что происходило отъ движенія со всѣмъ отличнаго, былъ тѣмъ раздраженъ, и посмотрѣвъ на нее съ превозношеніемъ: естьли не имѣла ты силы пожерти звѣря, сказалъ ей, то какъ осмѣливаешься ласкать себя имѣть подъ стражею человѣка, умѣющаго еще лучше защищаться, нежели страшнѣйшіе звѣри. Прекрасная Клодомира покраснѣла отъ сея укоризны, и зная почтеніе, кое долженствовала имѣть къ верховному Жрецу, начавъ говорить съ кротостію: о отче мой, отвѣчала ему, не почти за странное, что утверждаю я здѣсь мои права; я не столь дерзновенна, чтобъ оспоривать тебѣ тѣ, кои имѣешь ты надъ жизнію преступника; но думаю, что не довлѣетъ мнѣ уступать тѣхъ, кои законъ даетъ мнѣ надъ нимъ по часъ его смерти. Изрядно, пресѣкъ Витекиндъ, такъ пустьже принесутъ его на жертву въ сію минуту.

ту.

шу; Жрица и верховный Жрецъ во-
страпетали обое равно при сихъ
словахъ; и Клодомаркъ боясь, чтобъ
сей споръ не поспѣшилъ гибелью
юнаго Принца, притомъ же приведенъ
будучи въ жалость сладкимъ наи-
менованїемъ отца, коимъ Вестала
его почтила, и почувствуя къ ней
въ душѣ своей чрезвычайныя дви-
женїи, сказалъ Королю Саксонскому,
что не можетъ принести никако-
вой жертвы богу Ирминзулю, пока
храмъ не будетъ очищенъ, что
требуется по меншей мѣрѣ двѣ
нѣдѣли времени, и онъ на то сог-
лашается, дабы Жрица имѣла ко-
лодника у себя подъ стражею съ
тѣмъ условїемъ, чтобъ дозволено
ему было его видѣть столько разъ,
сколько онъ похочетъ; ибо законъ
повелѣваетъ верховному Жрецу и-
мѣть надзиранїе надъ тѣмъ, коего
надлежитъ ему принести на жерт-
ву. Витекиндъ на то склонился, и
въ тужъ минуту Жрица призвавъ
караульныхъ своего храма, прика-
зала имъ взять Ериха, которой
увидя Клодомиру самое повелѣваю-
щую его обезоружить, недѣлалъ тому
нималѣйшїя препоны: но нехотя то-
го,

го, чтобъ не знала она причины малаго его сопротивленія, поставилъ онъ одно колѣно на землю, и представя ей свою саблю: Витекиндъ, государыня, сказалъ онъ ей, не могъ найти надежнѣйшаго средства, дабы покуситься на мою свободу, какъ оставя тебя властительницею моего жребія, я бы дорого продалъ жизнь мою всякому, ктобъ восхотѣлъ на нее напасть; и прелестная Клодомира могла одна обезоружить такого человѣка, которой по сей день не имѣлъ себѣ побѣдителя.

Прекрасная Вестала покраснѣла, и взявъ желѣзо спасшее ея жизнь: знаю я, чемъ должна твоей храбрости, отвѣчала ему, законы сея земли требуютъ, чтобъ ты умеръ; но законы благодарности превозмогутъ оные. Они не могли болѣе говорить другъ другу; ибо караульные были отъ нихъ толь близко, что могли слова ихъ слышать. Между тѣмъ Жрица приказавъ єво посадить при себѣ въ башню, стоящую подлѣ храма Весталей, вошла во оной въ тужъ минуту, и заперлась съ любезною своею Тириндою,

дою, дабы поговорить о семъ странномъ произшествіи, и принять надежныя мѣры ко освобожденію свѣтлѣйшаго своего колодника. Между тѣмъ, какъ не имѣла она иныхъ мыслей, верховный Жрецъ упражняющійся въ томъ же попеченіи, искалъ повсюду Араспа, дабы посовѣтовать съ нимъ, что въ такой крайности дѣлать, и ввѣрить ему то безпокойство, которое Вестала въ сердцѣ его причинила. Молодость ея, удивительная красота, и сходство, которое чаялъ видѣть въ ней съ дражайшею своею Урисбертою, такъ его поразили, что не могъ онъ отвратить отъ ней своихъ мыслей. Араспъ съ своей стороны, будучи увѣренъ, что онъ не обманулся, и что жрица Клодомира была сія Ильдегарда, за которою бѣгалъ онъ по всѣмъ странамъ, употреблялъ всѣ свои силы, дабы продраться сквозь толпу, и подойти къ Клодомарку. Наконецъ народъ удовольствованный увидя, что взяли Ериха, разошелся по домамъ, а Витикиндъ съ дворомъ своимъ пошелъ въ свои чертоги; послѣ чего сей вѣрный другъ продрался

рался сквозь народъ, и дошедши до капища вошелъ во оное въ самую ту минуту, какъ хотѣли ужé затворить врата.

Верховный Жрецъ лишь только ево увидѣлъ, какъ побѣжалъ къ нему съ распростертыми руками, и введши его въ свою комнату: дражайшїй мой Араспъ, сказалъ ему, боги не хотятъ прекратить моихъ злополучїй: недовольны будучи разлученїемъ меня съ тѣмъ, чего нѣтъ для меня драгоцѣннѣе, назначиваютъ меня еще къ обагренїю рукъ моихъ въ собственной моей крови. Сей храбрый незнакомецъ нанесшїй смерть буйволу Ирминзулеву, есть сей Юный Ерихъ, сей любезный Принцъ Норвежскїй, коего дѣлà я тебѣ вчера описывалъ. Жрица ево захватила, и похитила у меня надежду освободить отъ угрожаемой ему опасности. Я хотѣлъ оспорить мои правâ; но не знаю, какая прелесть меня остановила. Едва Вестала испустила свой голосъ, какъ сердце мое содрогнулось, душа моя пришла въ жалость: и мня видѣть въ сей Жрицѣ дражайшую мою Урисберту такову, какова она была тогда, когда бракъ

и любовь насЪ на вѣки соединили, будучи удаленЪ отЪ того, чтобЪ противиться уступить ей Ериха, здѣлалЪ бы я ее еще обладательницею моея собственныя жизни, естьли бы жестокая того потребовала. АхЪ! Государь, пресѣкЪ АраспЪ, не жалуйся болѣе на боговЪ и познай движенiи природы во влiянныхЪ вЪ тебя Клодомирою. Это дочь твоя, это та Ильдегарда, которую ищу я два года, и которая подЪ симЪ подложнымЪ именемЪ скрывалась отЪ моихЪ поисковЪ. Ильдегарда! подхватилЪ сЪ жаромЪ первосвященникЪ. Она сама, сказалЪ ему АраспЪ, глаза мои во время варварскiя вашея церемонiи толь быстро на нее устремлены были, что не могЪ я ее не обознать; я видѣлЪ, что ея очи обращались на Ериха, коего не зналЪ я еще достоинства, и что онЪ разсматривалЪ ее еще больше нежели я. Она отЪ того измѣнилась вЪ лицѣ, пришла вЪ нестроенiе, рука ея вострепетала, и отЪ того конечно миновала жертву. Тогда видѣлЪ я сего Принца лѣтящаго ей на помощь, и подвергающагося за нее свирѣпому буйволу. Но между тѣмЪ какЪ не

знал

зная ево, желалъ я ему тайно счастія, примѣчая движеніи Жрицыны, усмотрѣлъ я на лицѣ ея, не столько опасенія о своей жизни, сколь своего защитника. Удалена будучи отъ того, чтобъ бѣжать съ ужаснувшимися Весталами, не покидала она мѣста битвы, и казалась хотящею возбуждать своимъ присутствіемъ смѣльство сего юнаго Героя. Не сомнѣвайся въ томъ, государь, она пріемлетъ участіе въ его жизни, и видя въ тебѣ единственно долженствующаго пожерти ея избавителя, хотѣла только взять его отъ тебя подъ свою стражу, дабы вырвать его изъ челюстей смерти.

Какъ сіи слова привели Клодомарку на память то почтеніе, съ коимъ Ерихъ отдалъ ей свое оружіе, то легко онъ увѣрился, что любовь была единственною причиною произшедшаго въ томъ день замѣшательства; но хотя почувствовалъ крайнюю радость, узнавъ, что Ильдегарда отъ него толь близко, и ласкался, что Ерихъ находился въ безопасности, однако не проникая какъ могли они прежде сего бѣдственнаго дня видѣться, ниже ка-

кимъ образомъ Вестала уповала его спасти; впалъ въ прежнее свое опасенїе, и былъ еще въ большемъ неустройствѣ нежели прежде. Араспъ приготовилъ все къ его побѣгу. Широкая пещера простирающаяся во всю длину трехъ храмовъ, долженствовала служить къ сему побѣгу; входъ воонуюбылъ съ нутри капища Ирминзулева; оная назначена была для гробницъ королей и Первосвященниковъ, и верховный Жрецъ имѣлъ одинъ отъ нея ключи. Конецъ сихъ сводовъ простирался до береговъ рѣки Имеля; но не было тамъ отверстїя, и въ дѣланїи котораго Араспъ и Клодомаркъ во всю прошедшую ночь трудилися. Араспъ работалъ отъ рѣки, а Клодомаркъ изъ нутри пещеры; и обѣимъ толь изрядно удалося, что здѣлали отверстїе довольно великое, дабы пройти человѣку, и заградили оное паки камнемъ на гробницѣ лежащимъ; ибо Клодомаркъ не хотѣлъ прежде отъѣхать какъ въ то время, когда посолъ возметъ свою аудїенцїю, дабы имѣть время увѣдомить Ериха о учиненномъ имъ, и узнать, какъ можно ему съ нимъ соединиться.

Взятїе

Взятїе сего Принца здѣлало предпрїятїе ево тщетнымъ, или по малой мѣрѣ отлагая исполненїе онаго, ввергло его въ печаль тѣмъ величайшую, что не можно было ему бѣжать съ Арaспомъ; но надлежало еще похитить Ериха и Жрицу. Предпрїятїе столь же трудное, сколь дерзновенное! которое открывшись привело бы жизнь и тѣхъ и другихъ въ опасность неизбѣжимую. Наконецъ по долгомъ размышленїи положили, чтобъ Араспъ отписалъ къ Жрицѣ, дабы увѣдомить ее, что верховный Жрецъ есть Принцъ Кломаркъ ея родитель, и о узахъ, коими кровь соединяла ее съ храбрымъ Ерихомъ; чтобъ обьявилъ онъ ей о предпрїятомъ ими намѣренїи, дабы похитить ее съ Принцемъ, и что для сего надлежало, дабы вышла она въ лѣсъ подъ видомъ ловитвы безъ большой свиты, чтобъ пришла она на берегъ рѣки, что будетъ онъ тамъ въ суденкѣ, и постарается о прочемъ.

Сїе письмо написанное такимъ образомъ рукою Араспа, дабы Ильдегарда знающая его почеркъ не могла сомнѣваться о истиннѣ во

номъ содержащагося, долженствовало быть послано отъ верховнаго Жреца какъ приказъ, которой онъ ей обыкновенно давалъ, дабы другія Весталы не имѣли о томъ ни малѣйшаго свѣденія. Что касалося до Ериха, то намѣреніе Клодомарково было требовать свиданія съ нимъ на другой день, отнести къ нему одѣяніе жертвоприносительское, одѣть во оное, и вывесть такимъ образомъ какъ одного изъ Жрецовъ своихъ. Но всѣ сіи замыслы были испровергнуты въ такое время, когда они того не ожидали. Прекрасная Принцесса Ильдегарда заперщаяся съ Тириндою, своею наперстницею, дабы размышлять о средствахъ служащихъ ко избавленію того, коего почитала она своимъ избавителемъ; оплакивая долгое время удручаемое ее несчастіе, воззрѣвъ на Весталу взоромъ удобнымъ привести въ жалость самыя звѣрскія сердца: Возлюбленная моя Тиринда, сказала ей, можемъ ли мы допустить, чтобъ погибъ сей юный герой; дружество твое ко мнѣ не внушаетъ ли тебѣ ничего могущаго воспрепятствовать смерти,

за коею и моя послѢдуетЪ? Ибо, на конецЪ продолжала она, не вЪ моей уже власти превозмочь склонность кЪ нему меня влекущую; здѢланное имЪ нынѢ для избавленія дней моихЪ, торжествуетЪ надЪ моимЪ разсудкомЪ. Оной вчера боролся только сЪ пріятностьми, кои время и моя добродѢтель могли изринуть изЪ моего сердца; но увы! какимЪ оружіемЪ можетЪ онЪ воспользоваться противу благодарности; могу ли я когда нибудь позабыть, что сей любезный чужестранецЪ спаслЪ жизнь мою, и могу ли предать ево на смерть, не будучи виною наигнуснѢйшія неблагодарности. Тиринда истинно тронутая судьбиною Ериха, и печалію жрицы; предлагала ей множество способовЪ, но исполненіе оныхЪ требовало времени, коему нетерпѢливость Весталина не могла подвергнуться. ВЪ семЪ недоумѢніи Тиринда разсуждая, что начальникЪ караула при капищѢ былЪ ея ближній родственникЪ, и что по ея предстательству прежняя жрица опредѢлила ево кЪ сему мѢсту, предпріяла склонить ево на свою сторону; ибо онЪ

одинЪ властенЪ былЪ довесть караульныхЪ до того, чтобЪ не противились выходу плѣнника. Кломира имѣла свободу ходить вЪ башню, вЪ коей онЪ содержался, и имѣть надзиранїе, чтобЪ Весталы по любопытству туда не ходили; но не дозволено ей было его оттуда вывесть, естьли не будетЪ то приказано отЪ верховнаго жреца, который пожелаетЪ его видѣть. И такЪ надлежало предЪявить ложно сей приказЪ, и здѣлать командира участникомЪ сея тайны; безЪ тогоже не возможно было ни на что отважиться, и о семЪ то Туринда стараться обѣщалася. Жрица, коей наималѣйшее отлагательство умножало безпокойство, принуждала ее учинить то немѣдленно, дабы видѣть свободу своему плѣннику. Услужливая Вестала не умѣдлила ее удовольствовать, и пошла искать начальника подЪ видомЪ, чтобЪ сообщить ему важное наставленїе отЪ Клодомиры. Сей человѣкЪ былЪ СаксонецЪ, крайне честолюбивЪ и мстителенЪ; онЪ хранилЪ потаенную ненависть во внутренности своего сердца противЪ Вити-

Витикинда, и время не могло ево изцѣлить отъ оной. Онъ былъ любимецъ сего государя во время своея молодости, и какъ сей титулъ доставлялъ ему право требовать высочайшаго достоинства; то влюбился онъ въ одну дѣвицу весьма знатныя породы. Какъ оная ево не ненавидѣла, и фамилія ея уповала легко получить милость королевскую ево предстательствомъ, то склонилась она на сей союзъ. Витикиндъ казался тѣмъ плѣненнымъ, а Киндсонъ, [имя родственника Тириндина] считалъ себя совершенно благополучнымъ, какъ увидѣлъ опровержение всего своего благоденствія тою любовію, которую воспріялъ сей Монархъ къ будущей ево супругѣ: и какъ сей государь не находилъ ничего освященнаго, когда доходило до того, чтобъ удовлетворить свои страсти, то похитилъ онъ у Киндсона предмѣтъ его желаній, рушилъ его бракъ, и отогналъ ево отъ двора. Сей ударъ не менѣе жестокій его счастію какъ и любви, принудилъ его препровождать жизнь многіе годы самую уединенную; но Тиринда вошедши

въ число Весталъ, и зная неустройство дѣлъ ево, такъ убѣдила прозьбою предмѣстницу Клодомирину, что оная исходатайствовала ему мѣсто начальника Весталькской гвардіи и хотя не думала, чтобъ напоминовеніе обиды причиненныя ему отъ Витикинда было еще довольно сильно, дабы принудить его ему отмстить, однако не преминула ласкать себя, что должная благодарность здѣлаетъ его склоннымъ на ея прозьбу, и въ сей надеждѣ подавъ ему знать сожалѣніе свое о плѣнникѣ, и гнусность чувствуемую ею въ сердцѣ своемъ къ неправедному закону осуждающему его на смерть, призналась ему, чтобъ онъ не могъ ей здѣлать лучшаго удовольствія, какъ избавленіемъ сея знатнѣйшія жертвы отъ ножа верховнаго Жреца, потому что естьли бы не напалъ онъ на буйвола, то бы Жрица лишилася живота своего. Она не имѣла нужды въ плодовитыхъ рѣчахъ, дабы уговорить Киндсона; онъ тогда только услышалъ въ городѣ, что посолъ Францускій пріемлетъ участіе въ плѣнникѣ; повсюду говорили.

рили, будто онъ Принцъ; мнѣнія несогласны были въ томъ, что надлежало дѣлать, и одинъ только Витикиндъ казался желать его смерти. Какъ сіи слухи сопряженные съ прошеніемъ Тиринды, возобновили въ сердцѣ его желаніе мести, то не колебался онъ сказать ей, что готовъ воспользоваться симъ случаемъ, дабы показать ей свое усердіе съ договоромъ, чтобъ довела она до того, дабы не имѣлъ онъ нималѣйшаго опасенія отъ Жрицы, и убѣжалъ бы съ чужестранцемъ. Тиринда почитавшая его всегда за строгаго соблюдателя своего слова и плѣненная тѣмъ, что толь мало имѣла труда къ его склоненію, объявила ему, что не только не долженъ онъ не довѣряться Клодомирѣ, но и можетъ быть увѣренъ о ея на то согласіи, потому что сама она хочетъ освободить плѣнника сего изъ темницы.

Послѣ сего обѣщанія положили они, чтобъ удалить ему караульныхъ отъ вратъ капища подъ видомъ, будто онъ увѣдомился, что незнаемые люди зговорились взлѣсть на стѣну, дабы похитить силою плѣн-

плѣнника, чтобъ поставить ихъ всѣхъ на караулѣ съ сей стороны, и предоставить попеченіе о вратахъ для себя съ тѣми, на коихъ надѣялся; и когда Жрица увѣрена будетъ, что Весталы предалися сну, то бы пошла въ башню, освободила плѣнника, и отдала его ему въ руки, а о прочемъ попеченіе бралъ онъ на себя. Тиринда обѣщала ему исполнить точно сіе предпріятіе, и пошла къ Жрицѣ съ сердцемъ преисполненнымъ радостію и упованіемъ. Она разсказала ей подробно о разговорѣ своемъ съ начальникомъ, и о слухѣ пронесшемся въ городѣ о храбромъ ея защитителѣ. Какъ достоинство Принца усугубило еще въ душѣ Клодомириной желаніе его освободить, то обняла она Весталу и нѣжными своими ласканіями подала ей легко знать то сильное участіе, которое принимала въ судьбинѣ Ериховой.

Между тѣмъ не одна она безпокоилась о его жребіи. Посолъ Кароломановъ увѣдавъ о произшедшемъ при жертвоприношеніи и не видя Принца не сомнѣвался при учиненномъ объявленіи о храбрости побѣди-

бѣдителя буйволова, чтобъ не былъ то сей юный воинъ; и какъ нѣкоторые изъ ево свиты бывшіе при немъ ево въ томъ увѣрили, то побѣжалъ онъ къ Витикинду, и представлялъ ему съ жаромъ, что тѣмъ нарушитъ онъ права народныя, есть ли покусится на вольность Принца вступившаго въ его области подъ безопасностію привилегій, коими послѣдующіе за посломъ должны пользоваться безъ всякаго страха; что Ерихъ не будучи одного съ нимъ закона могъ не знать ево уставовъ, и не доженъ почесться за преступника, что спаслъ жизнь толикому множеству людей подвергнувшихся свирѣпству буйвола, нанесши оному смерть; что поступкѣ его надлежитъ чудиться, а не охуждать оную, и что проситъ онъ у него свѣтлѣйшаго плѣнника именемъ Кароломана, заклиная его не возбуждать мести онаго въ такое время, когда желаетъ онъ только мира.

Но варварскій сей Саксъ увѣдомившись лишь только, что Дацкія войска идутъ къ нему на помощь, и плѣнясь, что имѣлъ христіанина

на толикія важности для принесенія на жертву богу своему Ирминзулю, отвѣчалъ послу горделиво, что чужестранцы, какова бы достоинства они ни были, должны поступать по законамъ тѣхъ земель, куда любопытство ихъ влечетъ; что Ерихъ виновенъ, и долженъ погибнуть, что онъ не хочетъ мира съ Кароломаномъ, и не боится его оружія, прибавя, что совѣтуетъ онъ ему выѣхать изъ Ересбурга, есть ли не хочетъ его принудить себя задержать. Отчаяніе Послово было безмѣрно; но не силенъ будучи удержать чинимую характеру ево обиду и разсуждая, что Король ево государь не оставитъ оную безъ наказанія, поспѣшалъ своимъ отъѣздомъ, дабы сей Монархъ предварилъ судьбину, которую назначивали Принцу Норвежскому; и въ туже самую ночь оставя сей кровожаждущій дворъ, поѣхалъ съ крайнею поспѣшностію, дабы соединиться съ королемъ французскимъ, который подвигался съ торопостію, дабы осадить Ересбургъ. Между тѣмъ, какъ онъ, такъ сказать, лѣтитъ на помощь

Ериху, Витикиндъ ласкается принести ево на жертву, а Клодомаркъ надѣется вывесть его на другой день изъ темницы, прекрасная Ильдегарда будучи еще торопливѣе въ производствѣ своего намѣренія, ожидала съ нетерпѣливостію, пока всѣ Весталы предалися спанію дабы итти въ башню сего свѣтлѣйшаго плѣнника. Тиринда способствующая къ сему предпріятію лишь только услышала звонъ къ разходу ея подружекъ, какъ переходила изъ кельи въ келью, дабы быть увѣренной, что ни одна изъ нихъ не возвратится нарушить ихъ предпріятіе; и когда глубокое безмолвіе во храмѣ господствовавшее удостовѣрило ихъ о безопасности, тогда жрица и сія Вестала пришли безъ шуму въ башню Ерихову, которой гораздо удаленъ будучи отъ помышленія, чтобъ старалися о его свободѣ, дѣлалъ тогда наиплачевнѣйшія размышленіи о любви своей, и о пріуготовляемой ему судьбинѣ. Онъ не сомнѣвался, чтобъ Посолъ не увѣдомилъ Карла великаго о семъ произшествіи, и чтобъ сей государь не пришелъ вооруженною рукою ему

на

на помощь; но боялся видѣть Жрицу вовлеченную въ несчастіе города Ересбурга, и чтобъ Клодомаркъ самъ не збылъ ее съ рукъ своихъ. Какъ не зналъ онъ мѣръ взятыхъ имъ для своего побѣга и участія ево въ томъ, чтобъ здѣлать Весталу свѣдущею о семъ предпріятіи, то терзался жесточайшими тогда мученіями, когда услышалъ отворяющуюся дверь своея темницы; но сколь велика была ево радость и удивленіе, увидя туда входящую несравненную Клодомиру. Тиринда несла факелъ, а Жрица держала въ рукѣ своей саблю Ерихову. Хотя не обыкновенный часъ сего навѣщенія и вооруженная рука Жрицы побуждали его подозрѣвать, что пришла она для ево умерщвленія, однако онъ того не ужаснулся, и доволенъ будучи лишиться жизни толь дражайшею рукою, лишь только увидѣлъ ее къ себѣ подошедшую въ изумленіи и трепетѣ, наклонился, сколько связующіе ево оковы могли ему дозволить, и посмотрѣвъ на нее съ толикоюжъ любовію, съ коликимъ подобострастіемъ: рази, сударыня, сказалъ ей, не усомнись наказать

зать дерзновеннаго вознамѣрившагося тебя обожать до послѣдняго своего издыханія: естьли сіе преступленіе заслуживаетъ смерть, то я за честь себѣ вмѣняю быть преступникомъ. Отдавай больше справедливости приведшему меня сюда намѣренію, отвѣчала она ему съ видомъ величественнымъ, снимая съ него оковы съ Тириндою; естьли имѣешь ты мысли могущія меня оскорбить, то будешь за то довольно наказанъ вѣчнымъ отсутствіемъ и безъ того, чтобъ я искала за то отмстить лишеніемъ тебя живота; напротивъ того жертвуя справедливымъ гнѣвомъ моей благодарности, хочу позабыть дерзость словъ твоихъ, дабы воспоминать только о великости той опасности, коей ты для меня подвергнулся. Хощу возвратить тебѣ твое оружіе съ свободою, дабы употребить оное противу тѣхъ, кои нападутъ на жизнь твою; но естьли то правда, что ты рожденъ Принцемъ, и изъ числа воиновъ Карловыхъ, то докажи мнѣ свое почтеніе побудя его пощадить дѣвицъ невинныхъ и робкихъ, естьли жребій войны

здѣлаетъ ево когда побѣдителемъ Саксовъ.

Ерихъ удивившись опасности, коей подвергала себя сія великодушная Вестала, выпуская его изъ темницы, бросился къ ногамъ ея, и давъ свободное восторгу своему теченіе: нѣтъ, сказалъ ей, нѣтъ, надмѣру любви достойная Клодомира, я не покину сего капища есть-ли не побѣжишь ты со мною: не знаю, кто ты такова, но вѣдаю, что сердце, надъ коимъ учинилъ я тебя повелительницею съ первой минуты, какъ тебя увидѣлъ, не недостойно быть твоимъ, и что влюбленный Ерихъ, Принцъ Норвежскій, можетъ, не опасаясь тебя пристыдить, соединить судьбину свою съ твоею. Пойдемъ, сударыня, продолжалъ онъ, оставь на всегда богомерзское служеніе твоимъ идоламъ; высочайшій Обладатель вселенныя создалъ тебя толь совершенною, дабы учинить тебя гораздо достойнѣйшею ево познавать и почитать; отвори мнѣ врата сего бѣдственнаго пребыванія, велимъ увѣдомить верховнаго Жреца о нашемъ ушествіи; сильныя причины принуждаютъ

ютъ его меня любить, и за мною слѣдовать, онъ будетъ служить тебѣ вмѣсто отца; почтенныя его лѣта и высокая премудрость будутъ тебѣ надежные поруки, что почтенїе мое станетъ всегда уподобляться моей любви.

Когда бы Ерихъ говорилъ не съ таковымъ жаромъ, тогда бы удивленїе Жрицы не дозволило ей его пресѣчь; Арапъ увѣдомилъ ее о произшествїи ея фамилїи, и потому знала она, какимъ союзомъ крови сопряжена она была съ Принцемъ Норвежскимъ. Потаенное порадованїе овладѣло ея душею, узнавъ, что тотъ, коего она любила не зная, былъ Принцъ назначенный ей со младенчества супругомъ; и не видя ничего осужденїя достойнаго въ своей горячности, покушалась объявить ему свою породу, и слѣдовать за нимъ, какъ нѣкое движенїе цѣломудрїя восторжествовало надъ любовїю, и принудило ее помыслить, что сверхъ неразумїя предаться человѣку могущему назваться тѣмъ, что онъ не есть, и довѣряться его честности, подвергаетъ она себя опасности быть препоною его побѣгу

смущенїемъ, чтобъ соблюсти себя саму отъ гоненїя Саксовъ, и что лучшїй способъ ко избавленїю его состоялъ въ томъ, чтобъ выпустить его одного, дабы былъ онъ въ силахъ лучше обороняться въ случаѣ нападенїя. Въ прочемъ разсудя, что естьли верховный жрецъ съ нимъ согласенъ, то легко имъ будетъ вырвать ее изъ храма, вознамѣрилась скрывать отъ него свою тайну, и отринуть предложенїе почитаемое ею столь предосудительнымъ ея славѣ, сколь опаснымъ тому желанїю, кое имѣла она, чтобъ освободить его отъ угрожаемаго ему рока.

Но не могши также скрыть части происходящаго въ душѣ ея, и разстаться съ симъ Принцемъ, не возбудивъ въ немъ нѣкоторыя надежды: не удивительно, государь, сказала ему, что ты не знаешь несчастныя Клодомиры; но ей не дозволено бы было не знать, чемъ должна она Принцу Ериху. Сїе великое имя причинами, кои могу тебѣ открыть, и желаю, чтобъ ты извѣстился объ нихъ скоро, принуждаетъ меня столькожъ, сколько

и благодарность, тебя спасти. Но не ожидай, чтобъ простерла я далѣе вперяемыя оною въ меня чувства, я не боюсь подвергнуть жизнь мою опасности для соблюденія твоей; но боюсь посрамить мою славу. Я воспріяла пристанище въ семъ капищѣ, дабы сохранить себя отъ порочныхъ желаній жестокаго Витикинда. Что бы сказалъ онъ? Каково бы было ево свирѣпство, естьли бы послѣдуя стопамъ нашимъ онъ насъ остановилъ! Ахъ! Государь, продолжала она, пощади меня отъ гнусности таковаго зрѣлища, и есть ли хощешь, чтобъ почитала я себя тебѣ милою, то дозволь, чтобъ пользуясь моею надъ тобою властію, приказала я тебѣ меня послушаться. Я не противлюсь тому, что горячность твоя можетъ произвесть, побудивъ меня видѣть страны не столь варварскія; и смѣю обнадежить тебя, что взирая на Принца Ериха совсѣмъ отлично отъ Короля Саксонскаго, не буду убѣгать никогда отъ его требованій. Прекрасная жрица не могла удержаться, чтобъ не покраснѣть произнеся сіи нѣжныя

ныя слова, а страстный Принцъ Норвежскій былъ тѣмъ такъ восхищенъ, что не находилъ оныхъ ко изъясненію безмѣрныя своея радости.

Но Тиринда не дала ему времени показать свое краснорѣчіе, и принуждала Клодомиру выти изъ башни. Прелестная Вестала толь строго приказала своему плѣннику за собою слѣдовать, что принужденъ онъ былъ повиноваться ея волѣ. Она отдала ему ево саблю, и ведя стопы его при слабомъ свѣтѣ факела Тириндина, провела его почти до поста Киндсонова, которой будучи готовъ отворить врата храма, хотѣлъ было ево выпустить, какъ ужасный шумъ голосовъ кричащихъ къ оружію, раздался по всѣмъ сторонамъ храма, и большая часть Весталъ подкрѣпляемыхъ караульными не бывшими въ семъ заговорѣ, окружили оной, схватили Жрицу, и прилагали крайнее стараніе, дабы поймать Ериха. Но сей храбрый Принцъ обремененъ будучи сильнѣйшимъ отчаяніемъ, видя опасность, коей подвергалась Клодомира, и ласкаясь ее освободить,

не взирая на вѣроломныхъ ея подружекъ, защищался съ такою неустрашимостїю, что обратилъ въ бѣгъ находящейся при капищѣ караулъ, убилъ многихъ до смерти, и не пощадилъ бы Весталъ, есть ли бы усугубленный ихъ крикъ не привлекъ караульныхъ и всѣхъ Жрецовъ храма Ирминзулева. Клодомаркъ и вѣрный Араспъ, кои догадывались частїю о истиннѣ, прибѣжали туда первые: но какъ не были они вооружены, и караульные захватили бы и ихъ самихъ, есть ли бы оказали они наималѣйшее согласїе съ Ерихомъ; то верховный Жрецъ не могъ принять другаго намѣренїя, какъ казаться возбужденнымъ свирѣпствомъ другихъ, и какъ храбрость Ерихова причинила повсюду страхъ и ужасъ, и онъ будучи подкрѣпляемъ Киндсономъ вспомоществующимъ ему съ безприкладнымъ мужествомъ, удалялъ отъ себя всѣхъ хотящихъ къ нему приближиться, то Клодомаркъ воспользуясь безпорядкомъ, и разсудя, что количество превозможетъ рано или поздо Ериха, здѣлалъ знакъ дражайшему своему Араспу,

 который

который уразумѣвъ ево намѣренïе, снабдилъ себя оружïемъ караульнаго послѣдней вздохъ испускающаго, и притворясь, будто помогалъ другимъ, разитъ, продирается, и принуждаетъ біющихся выти изъ храма. Тогда темнота нощная скрываетъ отъ нихъ того, коего хотѣли они имѣть живаго или мертваго; Араспъ приближается, сказывая ему о себѣ, и повелѣваетъ за собою слѣдовать.

Принцъ равно какъ и ево непрïятели, не видя больше, на кого падаютъ его удары, подаетъ ему свою руку, и допускаетъ себя вести. Араспъ приходитъ съ нимъ во храмъ верховнаго Жреца, и проведши его потаенными окольными дорогами, сводитъ въ пещеру, запираетъ его тамъ, и обратившись на боевое мѣсто, соединяется съ караульными, кои лишь только поразили храбраго Киндсона, и почетъ его за Ериха, ударами своими умертвили. Тогда крича побѣду, вошли они къ Весталамъ, дабы увѣдомить о томъ верховнаго Жреца, который во время бою извѣщенъ былъ о причинѣ всего. Тогда старѣйшая сказала ему, что услыша въ саду, подлѣ коего была ея келья, голоса людей, вышла

ла она въ намѣренiи, чтобъ увѣдомить о томъ Клодомиру; но узнавъ голосъ ея въ башнѣ произносимый, любопытство побудило ее потихоньку подойти туда гораздо ближе; удивленiе ея было несравненно, увидя Жрицу подающую руку плѣннику, и ведущую его ко вратамъ капища дабы освободить его отъ казни за преступленiе, и не могши терпѣть, чтобъ обезчестила она такимъ образомъ титулъ Весталы, начала звонить въ колокольчикъ, дабы созвать своихъ подружекъ и караульныхъ, примолвя къ тому, что проситъ она именемъ всѣхъ другихъ, дабы Клодомира получила казнь опредѣленную всѣмъ Весталамъ, кои здѣлаются недостойными своего званiя обхожденiемъ съ мущинами. Какъ окончевала она слова́ сiи, и прекрасная Жрица слушала съ потупленными глазами, не соизволяя произнести ни единаго слова къ своему оправданiю, то побѣдители Киндсоновы пришли донести о смерти бѣглеца. Какъ сiя ужасная вѣдомость поразила больше сердце Клодомирино, нежели казнь, къ коей осуждали ее завидую

щія ей подруги, то упала она безъ чувства въ объятіи Тиринды, которая не хотя съ нею разлучиться, держала ее съ одной, между тѣмъ какъ донощица ея поддерживала ее съ другой стороны.

Несчастный Клодомаркъ стоявшій далеко отъ Араспа, не знавшій истинны, и коего сердце раздираемо было настоящимъ положеніемъ Жрицынымъ пораженъ будучи жесточайшею печалію, стремился сперва ей помогать и не смотря на Весталу хотящую ея погибели, велѣлъ ее отнести въ ея покой, гдѣ старанія его и вѣрныя Тиранды, были сильны къ возвращенію ей жизни; но сіе учинилось не для чего другаго, какъ для пролитія слезъ источника. Верховный Жрецъ желалъ бы охотно подать ей утѣшеніе увѣдомивъ ее, что онъ ея отецъ; однако какъ обстоятельство сіе не было благопріятно объявленію сея тайны, то принудилъ онъ горячность свою къ безмолвію, и увидя ее со всѣмъ отъ слабости въ себя пришедшую, назначилъ Тиринду и двухъ ея подругъ, казавшихся жестоко опечаленными симъ произ-

шествіемъ,

шествіемъ, дабы ее стеречь, запретивъ всѣмъ другимъ къ ней приближаться, и вышелъ дабы искать Араспа ожидающаго его при вратахъ храма; ибо Весталы препятствовали ему итти далѣе.

Онъ лишъ только съ нимъ сошелся, какъ увѣдомилъ ево, что Ерихъ въ безопасности, что караульные въ темнотѣ почли за него начальника Киндсона, и что онъ заперъ ево въ пещеру. Какъ сіи слова возбудили нѣкоторую надежду въ верховномъ жрецѣ, то помышлялъ онъ только, какъ бы избавить Ильдегарду отъ строгости законовъ безчеловѣчныхъ Саксовъ, кои сохранивъ только отъ Римлянъ сходственныя съ природнымъ ихъ жестокосердіемъ, повелѣвали зарывать живыхъ тѣхъ Весталъ, коихъ добродѣтель могла быть подозрѣваема. Клодомаркъ зная сіе жестокое обыкновеніе, собралъ ихъ всѣхъ и хотѣлъ ихъ увѣрить, что слава ихъ требовала того, дабы искать сожалѣнія, кое судьбина о плѣнникѣ вверила въ ихъ жрицу; что сіе одно движеніе побудило ее возвратить ему свободу; примолвя что онъ

онъ увѣренъ о ея благоразумiи; но однакожъ накажетъ ее за неразумiе такимъ образомъ, что удовольствовано будетъ ихъ негодованiе, и просилъ ихъ возпрепятствовать, дабы Король не былъ извѣщенъ о истиннѣ сего произшествiя, потому что довольно онѣ отмстили за Ирминзуля лишенiемъ жизни чужестранца.

Всѣ молодыя Весталы приняли сiе предложенiе; но старыя ревнуя достоинству Клодомирину, съ твердостiю оному противились. Раздраженныя видя себя подвластными повелѣнiямъ особы такихъ лѣтъ, и мня придать новое сiянiе ложной своей добродѣтели, помрачая ея истинную заклинали онѣ ея гибель и объявили верховному Жрецу, что естьли откажетъ онъ имъ исполнить по закону, то пойдутъ онѣ искать правосудiя у Короля противу его самово. Клодомаркъ не хотя ихъ раздражить, и лишиться способовъ, коими чаялъ воспользоваться для похищенiя Жрицы притворился будто согласуется съ ихъ мнѣнiемъ, и обѣщалъ увѣдомить точно Витикинда о ихъ усердiи и благоразумiи;

торазумiи; послѣ чего разсмотрѣвъ число караульныхъ, нашелъ, что находившiеся при капищѣ Весталей были всѣ побиты, равно какъ и ихъ начальникъ, и такъ принужденъ былъ оставить имъ часть своихъ; что и учинилъ съ тѣмъ большимъ удовольствiемъ, что освободился чрезъ то отъ тѣхъ, на коихъ имѣлъ подозрѣнiе, оставя у себя только наиусерднѣйшихъ къ ево особѣ, дабы приказать имъ отнести мертвыхъ, чтобы не вышли изъ заблужденiя въ разсужденiи Ериха. Въ самомъ дѣлѣ перешедъ на мѣсто битвы съ ними и съ вѣрнымъ Араспомъ, почитавшимся за бѣднаго пастуха, жившаго у верховнаго жреца, пользуясь его гостепрiимствомъ, поступили съ такимъ проворствомъ, что караульные ничего не примѣтили, побросали безъ изъятiя всѣ тѣла на одинъ костеръ, и попалили оныя пламенемъ, по обычаю тоя земли въ твердомъ упованiи, что чужестранецъ находился въ томъ числѣ; ибо Киндсонъ былъ такъ обезображенъ, что не возможно было ево распознать.

Потомъ Араспъ и Клодомаркъ пошедши въ пещеру, нашли тамъ храбраго Ериха, не столько безпокоющагося о томъ, что хотѣли дѣлать съ нимъ, посадивъ его въ такое темное мѣсто, сколько о рокѣ Жрицыномъ. Какъ вознамѣрились они скрыть отъ него опасность, коей она подвергалась, и принудить его бѣжать, то употребили все свое краснорѣчіе, дабы увѣрить ево, что нѣчево ей опасаться, и что надлежало ему воспользоваться мнѣніемъ, кое имѣли о его смерти, дабы соединиться съ Кароломаномъ, и побудить его подвинуть свои войска; но сей Принцъ не будучи больше силенъ скрывать свои склонности отъ Клодомарка, объявилъ ему толь твердо, что не выдетъ онъ изъ Ересбурга не увидя Весталы во своей власти, что оной былъ ему принужденъ открыть, что не одинъ онъ пріемлетъ участіе въ ея жизни, и что любовь отеческая дѣлаетъ ему ее гораздо драгоцѣнною, и не допуститъ его оставить ее въ добычу народа толь Варварскаго. Не сомнѣвайся въ томъ, непобѣдимый Ерихъ, продолжалъ онъ видя его удивленіе, сія Клодомира

овладѣвшая

овладѣвшая твоимъ сердцемъ, коей ты спаслъ жизнь, и которая подвергаетъ свою твоея ради свободы, есть та самая Ильдегарда, по которой проливалъ я толико слезъ, о коей Араспъ имѣлъ попеченїе, и которая похищена у него была за два года: разсуди же, дражайшїй мой Ерихъ, довлѣетъ ли тебѣ опасаться, чтобъ я ее покинулъ; Ахъ! бойся паче положить непреоборимую препону твоимъ присутствїемъ принятому мною намѣренїю, дабы тебя на вѣки ощастливить: помысли, что испровергнувъ молву о твоей смерти, причинишь ты мою погибель, и что отъ моея руки долженъ ты получить Ильдегарду. Не требовалось болѣе побужденїя Ериху, дабы покориться его волѣ, и хотя настоящее состоянїе ихъ обѣихъ препятствовало ему предаться радости, нашедъ въ Клодомирѣ Принцессу назначенную къ принятїю его клятвы, однако изъявилъ онъ довольно оной, дабы показать верховному жрецу, что сїе познанїе возбуждало любовь его новымъ жаромъ. Онъ обнималъ многократно Араспа, и молилъ ихъ обѣихъ увѣдомить его,

его, что надлежитъ ему дѣлать, дабы доказать имъ свое усердїе, благодарность и сильнѣйшую страсть къ прекрасной Ильдегардѣ. Тогда указали они ему отверстїе пещеры находящееся къ берегамъ рѣки Имеля, гдѣ вѣрный Араспъ имѣлъ судно въ готовности къ ихъ побѣгу; они просили его воспользоваться онымъ къ своему, соединиться съ армїею французскою, и поспѣшить походомъ оныя къ Ересбургу, обнадежа его, что прежде нежели Карлъ атакуетъ сей городъ, увидитъ онъ прибытїе его съ Ильдегардою въ станъ сего Монарха.

Принцъ Ерихъ, коему любовь внушила предпрїятїе стольже отважное сколь чрезвычайное, согласился на требуемое отъ него ими, и не хотя терять времени, простился съ Клодомаркомъ; препоручилъ ему ево Принцессу, и клялся ему, что возвратится еще прежде въ сей городъ, нежели онъ изъ него выѣдетъ. Араспъ отвалилъ камень, а Принцъ примѣтивъ, что безъ великаго труда можно опустить оной, утвердился въ тайномъ своемъ предпрїятїи;

тіи; и бросясь въ судно съ Араспомъ хотящимъ ему служить кормчимъ, удалились они скоро отъ сего печальнаго пребыванія. Клодомаркъ лишь только потерялъ ихъ изъ виду, какъ затворилъ пещеру; ибо Араспъ хотѣлъ войти въ городъ обыкновенными дорогами, потому что пастушье его платье дѣлало его безопаснымъ отъ всякаго подозрѣнія. Между тѣмъ какъ ночь имъ благопоспѣшествуетъ, и теченіе воды несетъ ихъ по желанію, Клодомаркъ разсудя, что старыя Весталы увѣдомятъ Витикинда о семъ семъ неустройствѣ по своему негодованію, вознамѣрился ихъ предупредить, и довесть до того, чтобъ исходатайствовать прощеніе Жрицыно ради любви, которую онъ къ ней имѣлъ. Для сей причины пошелъ онъ во дворецъ, надѣясь, что онъ первый его разбудитъ, но имѣлъ прискорбіе найти Монарха извѣщенна о семъ произшествіи, и въ такомъ свирѣпствѣ, коего ничто не могло успокоить. Онъ ужѐ всталъ, и держалъ въ рукѣ своей письмо отъ той, коею Жрица была схвачена. Какъ скоро увидѣлъ онъ верхов-

наго жреца, такъ скоро пошелъ къ нему, и посмотрѣвъ на него глазами гнѣвомъ наполненными: Служитель Ирминзулевъ, сказалъ ему, повелѣваю тебѣ наказать Клодомиру по законамъ нашимъ; боги наши разгнѣваны, жертвы ихъ убѣжали, они требуютъ за то отмщенія, я бы навлекъ оное отъ нихъ на себя и на народъ свой, естьлибы колебался пожерти ихъ оскорбившую, которая есть единственная вина таковаго неустройства.

Клодомаркъ искавшій только улучить время, не хотѣлъ его раздражить еще болѣе воспротивясь сему опредѣленію; но стараясь искусно привести его въ жалость: знаю, государь, отвѣчалъ ему, преступленіе жрицыно, но вѣдая, колико была она тебѣ мила прежде, и думая, что молодость ея и недостатокъ искуства здѣлаютъ ее, можетъ статься, не столь предъ тобою виновною, почелъ за мою должность не рѣшить ея судьбину безъ твоего согласія, тѣмъ наипаче, что кровь чужестранцева успокоила гнѣвъ Ирминзулевъ. Но мой не успокоенъ, перехватилъ сей варварскій король; неблагодарная Клодомира довольно

довольно показываетъ, что добродѣтель не имѣла участїя въ ея къ любви моей презрѣнїи, потому что для незнакомца предаетъ забвенїю должности своего состоянїя. Ирминзулю долженствовало быть одному совмѣстникомъ Витикиндовымъ, чужестранецъ сталъ его жертвою, а Клодомира будетъ моею; народъ ужаснулся; воины мои всѣ въ смущенїи, взирая какъ на плачевное предзнаменованїе на такїя произшествїи, коимъ не памятуютъ они примѣровъ; они ужѐ думаютъ видѣть Хрїстїанъ у вратъ нашихъ; надлежитъ ихъ удостовѣрить, погубивъ предмѣтъ ихъ ужаса, и показать имъ чрезъ то, что буду я сохранять ихъ законы и служенїе богамъ нашимъ до послѣдняго часа моея жизни. Тогда не хотя слышать его отвѣта, объявилъ ему, что будучи принужденъ итти чрезъ пять дней съ своими войсками на встрѣчу Французамъ желаетъ чтобъ Клодомирина казнь совершилась прежде его отъѣзда, дабы сїе дѣйствїе его правосудїя возбудило смѣльство въ его солдатахъ; и отправивъ его послѣ сихъ жестокихъ словъ,

не далъ ему болѣе времени говорить.

Легко вообразить себѣ можно состоянiе Клодомарково; но безъ оружiя, безъ обороны посреди народа суевѣрнаго, и двора безчеловѣчнаго притворство было единымъ способомъ, которой ему употребить надлежало; кооному по своему благоразумiю онъ и прибѣгнулъ. Но Провидѣнiе хотѣвшее его вывесть изъ заблужденiя сими необычайными путями, воспользуясь движенiями природы для причиненiя въ немъ омерзѣнiя къ сему богопротивному служенiю, побудило его возчувствовать такую противность къ жестокости возбуждаемой имъ въ тѣхъ, кои за нимъ слѣдовали, что какъ скоро пришелъ онъ въ свою комнату, такъ скоро обремененъ будучи своею печалiю: боже Христiанскiй, вскричалъ поднявъ руки на Небо, спаси неповинную Ильдегарду, отврати бурю готовящуюся пасть на главу мою, а я клянусь посвятить тебѣ остатокъ моея жизни. Сiя усердная молитва скоро произвела свое дѣйствiе. Клодомаркъ мятущiйся, безпокоящiйся и бывшiй въ смущенiи воз-

возбраняющемъ ему покой, препроводилъ ночь прохаживаясь по своей комнатѣ, ожидая съ нетерпѣливостїю возвращенїя Араспова; но какъ сїе не приносило ни малѣйшїя отрады, то сошелъ онъ въ пещеру. Онъ находился тамъ нѣсколько времени въ томъ же упражненїи; ибо нестройность его мыслей препятствовала ему пользоваться своимъ разумомъ, какъ поднявъ глаза къ своду вдругъ пораженъ былъ мыслїю истребившею въ одинъ мигъ всѣ тѣ, коими разумъ его ослѣпленъ былъ, и разсудя, что будучи властенъ избрать мѣсто довлѣющее служить могилою Весталѣ, могъ онъ приказать выкопать яму на семъ сводѣ, и найти способъ опустить ее туда такъ что не можно будетъ сомнѣваться о сей хитрости. Онъ принесъ благодаренїе внушившему ему сїе средство, и въ тужъ минуту здѣлалъ безъ шуму все, что почиталъ за нужное къ произведенїю сего намѣренїя въ дѣйство. Онъ препроводилъ всю ночь въ воспрїятїи сихъ мѣръ, и видя приближающїйся часъ возвращенїя Араспова, вошелъ въ свою комнату, дабы

бы его тамъ ожидать. Въ самомъ дѣлѣ сей вѣрный другъ прибылъ спустя малое время, онъ проводилъ Ериха безъ наималѣйшаго приключенія на другой берегъ рѣки, гдѣ было поле; и введши его въ домъ снабдѣвающій путешественниковъ всѣми потребностьми, Принцъ взялъ тамъ прозодника и лошадей, дабы выѣхать изъ областей Витикиндовыхъ, и разстался съ Араспомъ въ надѣяніи увидѣться паки въ непродолжителномъ времени.

Верховный Жрецъ доволенъ будучи тѣмъ познаніемъ, что Принцъ находится внѣ опасности, увѣдомилъ Араспа о произведенномъ имъ въ дѣйство послѣ его отбытія, и сообщилъ ему предпріятое намѣреніе къ освобожденію Ильдегарды. Онъ былъ тѣмъ плѣненъ; и какъ имѣлъ свободу входить и выходить изъ храма безъ всякаго подозрѣнія, то принялъ на себя трудъ принести потребныя къ сему предпріятію орудіи, что и учинилъ въ тотъ же день; и въ послѣдующую ночь, Верховный Жрецъ и онъ работали съ такимъ счастіемъ, что удалось имъ отбить широкой камень

мень отъ свода, а сїе дѣлало довольно знатное отверстїе, чтобъ пройти человѣку. Они вставили его потомъ паки, и построили махину съ противовѣсїемъ, посредствомъ котораго камень опускался и поднимался, какъ имъ за благо разсуждалось; и какъ они въ семъ удостовѣрились, то пробили сводъ, дабы означить съ наружи мѣсто, гдѣ здѣлано ими отверстїе, послѣ чего Верховный Жрецъ искалъ сего знака, которой находясь противу самаго находящагося въ храмѣ Жертвенника, былъ весьма удобенъ къ тому, чтобы погребенїе Весталы происходило въ порядкѣ. Въ послѣдующую ночь трудились они надъ прїуготовленїемъ ямы, дабы оставить тамъ сколько надобно было земли, для скрытїя ихъ выдумки, коей Клодомаркъ хотѣлъ здѣлать опытъ. Такъ что легъ онъ въ сїю яму, а Араспъ въ пещерѣ привелъ въ движенїе махину, которая опустила верховнаго Жреца безъ всякїя опасности почти до земли. Радость ихъ, увидя счастливый успѣхъ сего вымысла, лишила ихъ напоминовенїя всѣхъ своихъ злоключенїй,

люченій, и возбуждая другъ друга не оставлять ничего несовершеннаго въ семъ великомъ предпріятіи, задѣлали они толь изрядно сіи мѣста̀, что не возможно было ничего примѣтить. Три дни и три нощи употреблены были на сію работу, во время которыхъ Витикиндъ и Весталы не переставали принуждать Верховнаго Жреца, наказать Клодомиру, которая съ своей стороны ожидала сей бѣдственной минуты съ такою смѣлостію, коей жестокія ея непріятельницы ужасалися.

Въ самомъ дѣлѣ, сія прекрасная Принцесса, увѣрившаяся о смерти Ериховой, взирала уже́ и на свою какъ на конецъ своихъ мученій; и не боясь оной, желала усердно скончать такую жизнь, которую любовь ея и печаль несноснымъ учинили бремянемъ. Вѣрная Тиринда, коей слезы и вздохи не прерывались со времени бѣдственнаго сего произшествія, обвиняла небо, землю и людей неправосудіемъ и жестокостію, и не упускала ни единаго случая укорять Весталъ непотребствомъ ихъ поступка. Но ни твердость

дость Жрицы, ни укоризны Тиринды не могли ничего произвести надъ сими варварскими душами; и какъ по всей необходимости требовалось, чтобъ Клодомаркъ провозгласилъ общенародно приговоръ Жрицы и ея подруги, то на третій день по его трудахъ въ пещерѣ, взошелъ онъ на судище сего капища гдѣ народъ былъ собранъ, и осудилъ громогласно Клодомиру, видѣть себя живую погребенну, для полученія сею гнусною казнію, мученія должнаго ея преступленію. Онъ обьявилъ Тиринду ея наперстницу недостойною жить между Весталами, лишилъ ее сего знаменитаго званія, и осудилъ ее, чтобъ положила она сама Жрицу въ могилу а потомъ бы была изгнана навсегда изъ своего отечества, обьявя, что церемонія и исполненіе сего приговора воспослѣдовать имѣетъ въ ночи завтрешняго дня при свѣтѣ факелъ, со всемъ великолѣпіемъ, какого требуетъ принесеніе жизни Клодомириной на жертву богу Ирминзулю.

Сей варварскій народъ согласовался съ его словами крикомъ и восклицаніями, и хотя верховный

Жрецъ обнадеженъ былъ о спасенiи своея дочери; однако радостные плески Саксовъ исполнили душу его толикимъ прискорбiемъ, что заперся онъ съ Араспомъ, подъ видомъ, будто хотѣлъ препроводить сей день и сiю ночь въ уединенiи, постѣ и молитвѣ, повелѣвъ своимъ жрецамъ дѣлать тоже, дабы умилостивить своего бога.

Между тѣмъ влюбленный Ерихъ догадывался о томъ, чему надлежало происходить въ Ересбургѣ, и желая воспрепятствовать дѣйствiю онаго, поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ, такъ что увидѣлъ себя на границахъ графства Валдекскаго прежде прошествiя дня по отъѣздѣ своемъ изъ Ересбурга. Тамъ отпустивъ своего проводника и лошадей, взялъ свѣжихъ, и употребилъ толико прилѣжанiя, что прибылъ въ то мѣсто, гдѣ многiе корпусы войскъ Карловыхъ были ужé собраны. Радость ихъ была безмѣрна при взорѣ храбраго Принца Норвежскаго, который, чтобъ не потерять времени, и воспользоваться оказанною ему отъ солдатъ любовiю отдѣлилъ оныхъ сто наиотважнѣйшихъ, приказалъ

казалъ ихъ вооружить и одѣть по Саксонски, надѣлъ самъ такое же платье, и отправя гонца къ Карлу, дабы извѣстить его о предпрiемлемомъ, и подойти ближе къ Ересбургу, принялъ команду надъ своимъ деташементомъ, и провелъ оной безъ препонъ на берега рѣки Имеля, потому что Саксы видѣвшiе его проходящаго свои земли, почитали за свое войско. По трехъ дняхъ и трехъ ночахъ похода, въ ночи на четвертый перешли они рѣку, и дошли до выхода въ пещеру храма, отъ коего Ерихъ отвалилъ камень, дабы здѣлать туда входъ своимъ солдатамъ. Но какъ минута его прибытiя была по случаю самая минута погребенiя Клодомирина, то безмѣрно онъ удивился нашедъ сiе мѣсто освѣщенное многими факалами, и видя тамъ одного Араспа, казавшагося устремлять все свое вниманiе къ верху свода, и взиравшаго на оный пристально. Между тѣмъ шумъ причиненный Ерихомъ вшедшимъ съ своими солдатами, принудилъ его перестать въ томъ упражняться. и онъ думалъ, что все пропало, увидя толикое множество

ство людей вооруженныхЪ; и почитая ихЪ за гвардїю Витикиндову, помышлялЪ только, чтобЪ не видѣть мерзости сего зрѣлища, коего чаялЪ быть свидетелемЪ, и пораженЪ будучи сею мыслїю: жестокїе, сказалЪ подошедЪ кЪ нимЪ, начинайте лишенїемЪ меня жизни, и здѣлайте меня первою жертвою свирѣпства варварскаго вашего монарха.

Дражайшїй мой АраспЪ, сказалЪ ПринцЪ, подавая ему руки, выдь изЪ твоего заблужденїя, познай Ериха идущаго на помощь обожаемыя Клодомиры, промысли намЪ входЪ во храмЪ, дай намЪ продраться вЪ городЪ, да отворю врата армїи Французской, которая теперь стоитЪ уповательно лагеремЪ подЪ вашими шанцами.

КакЪ сїи слова̀ и присутствїе Принца Норвежскаго вывели Араспа изЪ его ужаса, то увѣдомилЪ онЪ его подробно о томЪ что имѣло происходить чрезЪ часЪ или два, и просилЪ его ожидать произшествїя прежде совершенїя своего предпрїятїя. ЕрихЪ вострепеталЪ при сей вѣдомости, и не воображая себѣ, чтобЪ хитрости Клодомарковой довольно

вольно

вольно было ко избавленїю Ильдегарды, хотѣлъ онъ итти разрушить сїю ненавистную церемонїю, предать все огню и мечу; продраться до Витикинда и вонзить ему кинжалъ въ грудь; но Араспъ подалъ ему знать, что Принцесса немедлѣнно будетъ въ пещерѣ, безъ наималѣйшаго вреда, и что торопливость испровергнетъ ихъ намѣренїе и ево; почему и согласился онъ на желаемое. Тогда обое наложивъ другъ на друга молчанїе, разставили безъ шуму солдатъ въ рядъ въ доль по своду, и содержа себя въ готовности двигать махиною, когда придетъ къ тому время, ожидали они знака, которому надлежало ихъ о томъ увѣдомить.

Между тѣмъ, какъ все сїе происходило подъ капищемъ, народъ собравшїйся внутри онаго увидѣлъ наконецъ пришествїе неповинныя Клодомиры посреди жестокосердныхъ своихъ подружекъ имѣя лѣнту на глазахъ, и руки назадъ завязанныя. Неутѣшная Тиринда шла безъ покрывала, обнаженная отъ всѣхъ украшенїй Весталъскихъ, идучи непосредственно по слѣдамъ ея и

и отчаянїе видно было на лицѢ ея. Потомъ пришли Жрецы, подъ предводительствомъ своего первосвященника; и въ семъ порядкѢ проведши жертву въ жертвенникъ, гдѢ варварскїй Видикиндъ стоялъ со всѢмъ своимъ дворомъ. Верховный Жрецъ приказалъ открыть яму, и когда она была готова, то приближась къ КлодомирѢ, спросилъ онъ у ней, не имѢетъ ли она ему чего сказать. НѢтъ, отвѢчала она ему, я умираю неповинною, но съ радостїю. Какъ сїи слова возбудили между народомъ роптанїе, которое изъявляя свою нетерпѢливость воспрепятствовало, что не можно было слышать словъ произнесенныхъ тѢми, коими Жрица была окружена. Клодомаркъ воспользуясь сею минутою, и притворясь будто оправляетъ ея лѢнту: дражайшая моя Ильдегарда, сказалъ ей, не бойся ничего, Ерихъ живъ, и ты не умрешь, родитель твой самъ въ томъ тебя увѢряетъ. Потомъ тотчасъ возвысивъ голосъ приказалъ подойти ТиринѢ, и опустить ей Клодомиру въ яму.

Сїя

Сія дѣвица, коей состояніе не можетъ быть изображено, произносила тогда ужасный крикъ, и хотѣла противиться сему приказанію; но Клодомира влекомая тономъ ея голоса, обняла ее въ намѣреніи, чтобъ утѣшать, а великодушная Тиринда понуждаемая Весталами повиноваться верховному Жрецу, взяла ее къ себѣ на руки, опустилась въ яму, и стала съ нею во оной такъ что никто не властенъ былъ ихъ оттуда вытащить. Тогда верховный Жрецъ плѣнившійся сею поступкою: Да умрутъ онѣ обѣ, вскричалъ, и да возложатъ гробницу на тѣла ихъ. Лишь только сей приказъ былъ отданъ, какъ уже и исполненъ; и Клодомаркъ ударилъ три раза по гробницѣ молоткомъ, какъ будто для утвержденія оной; Араспъ увѣдомилъ Ериха, что то былъ знакъ, и въ туже минуту опустили они махину, потихонку до примостковъ, на коихъ стояли обѣ Весталы, столь же сильно ужаснувшіяся почувствовавъ, что земля подъ тѣлами ихъ опускалась, сколь и богопротивной казни, которую понести уповали.

Араспъ

Араспъ удивившійся, увидя двухъ женщинъ, взялъ тотчасъ Тиринду а влюбленный Принцъ схватилъ Клодомиру, отвязалъ отъ глазъ ея лѣнту, снялъ оковы, и поставилъ ее на землю подлѣ Тиринды, коей Араспъ оказалъ равномѣрную услугу. Онѣ воззрѣли одна на другую, потомъ бросая взоръ свой на всѣ стороны, старались уразумѣть, какое было ихъ приключеніе, когда Принцъ Норвежскій бросясь къ ногамъ Принцессинымъ: приди въ себя, государыня, сказалъ ей, ты видишь предъ ногами твоими Ериха живаго, Ериха наивлюбленнѣйшаго изъ всѣхъ людей, пришедшаго на вспоможеніе Араспу и Клодомарку, дабы освободить тебя изъ сихъ мѣстъ. Не сомнѣвайся въ томъ, Принцесса, сказалъ тогда Араспъ, приближась къ ней, не только небо соблюло для тебя Ериха; но и возвращаетъ тебѣ свѣтлѣйшаго твоего родителя; и сего Араспа, коего чтила ты толь долгое время симъ знатнымъ имянованіемъ.

О небо! сказала тогда Ильдегарда, что я вижу, что я слышу? не обманываютъ ли меня мои чувства? О отецъ

о отецЪ мой! о дражайшій ПринцЪ, продолжала она, простирая кЪ нимЪ руки, не сонЪ ли это, или страхЪ смерти, и желаніе васЪ видѣть не ослѣпили ли моего разсудка, побудивЪ меня почитать мечту сущими предмѣтами? Тиринда, коей удивленіе было не меньше, говорила тоже, и не могла повѣрить сему происшествію. Но на конецЪ, когда АраспЪ увѣдомилЪ ихЪ кратко о всей тайнѣ, тогда онѣ увѣрились; и предавшись своему восхищенію безмѣрныя приносили благодаренїи своимЪ избавителямЪ. Прекрасная Ильдегарда вспомнивЪ слова верьховнаго Жреца, и присоединя оныя кЪ извѣту Араспову, познала вЪ сію минуту, что почтеніе, коимЪ она поражена была вЪ перьвой разЪ, какЪ его увидѣла, произходило отЪ движеній возбужденныхЪ природою вЪ ея сердцѣ; и горя желаніемЪ обнимать его колѣна, молила Араспа, чтобЪ его позвать, какЪ онЪ вошелЪ вЪ пещеру.

Не требовалось причины менѣе побуждающей, какЪ та, которая его туда вела, дабы видѣть тамЪ толико людей вооруженныхЪ безЪ

страха и удивленія. Но Ильдегарда и Принцъ Норвежскій представились толь поспѣшно глазамъ его, что не имѣлъ онъ времени, разсуждать о семъ зрѣлищѣ. Принцесса хотѣла броситься къ ево ногамъ; но онъ удержавъ ее въ своихъ обьятіяхъ: о дражайшая моя Ильдегарда, сказалъ ей, коликихъ стоила ты мнѣ слезъ, колико причинила ты мнѣ печали, и колико довлѣетъ намъ всѣмъ возблагодарить непобѣдимую руку соединившую насъ толь чудесными путями. Младая Принцесса отвѣтствовала на сіи слова чувствительнѣйшею ласковостію, и представя ему Тиринду, просила ево быть ей вмѣсто отца, и дозволить, чтобы та, которая толь великодушно послѣдовала за нею во гробъ, была съ нею неразлучно во все теченіе ея жизни. Клодомаркъ обнялъ сію любезную дѣвицу, и приписывалъ великія похвалы ея поступкѣ, обнадеживая ее, что въ учиненномъ имъ противъ ней приговорѣ не имѣлъ онъ инаго намѣренія какъ вывести ее изъ храма, дабы могла она пребывать вмѣстѣ съ Ильдегардою. Араспъ безмѣрно чувству-

вуя поданные ею знаки основательнаго дружества, восприялъ къ ней отъ сея минуты толь нѣжное почтенiе, что оное возможно бы было назвать любовiю, естьли бы настоящее дѣлъ состоянiе благопоспѣшно было сей страсти; но какъ обстоятельство не дозволяло симъ знаменитымъ особамъ имѣть иныхъ мыслей, кромѣ тѣхъ, что бы выти изъ сихъ мѣстъ, то Ерихъ подалъ знать Клодомарку, сколь важно для него было войти съ войскомъ своимъ въ городъ, давъ слово Кароломану, чтобъ помогать ево входу въ сiю самую ночь, по учиненному имъ изчисленiю времени, которое требовалось для прибытiя къ пещерѣ, и къ пришествiю сего монарха для осажденiя города.

И такъ по многимъ разсужденiямъ положено было, чтобы Кломаркъ и вѣрный Арапъ осталися стражею при храмѣ съ тритцатью Ериховыми солдатами, и были бы всегда въ состоянiи выти сквозь пещеру въ случаѣ какого нибудь произшествiя; а Принцъ бы съ остальными своими людьми шелъ для овладѣнiя однѣми вратами города.

И такЪ когда все было спокойно, тогда ЕрихЪ и ево солдаты вышли изЪ храма вЪ великомЪ безмолвіи потаенными воротами, стоящими кЪ лѣсу, при коихЪ стоящій часовый совершенно верховному Жрецу былЪ преданЪ, и проразумѣвая, что предпріемлется какое нибудь великое намѣреніе, хотѣлЪ доказать ему свое усердіе, прося позволенія слѣдовать за ЕрихомЪ вЪ ево производствѣ, на что онЪ склонился тѣмЪ охотнѣе, что почиталЪ сего Сакса для себя нужнымЪ, дабы лучше обмануть другихЪ.

ВЪ сію минуту безпокоило ево только опасеніе, что карлЪ еще не прибылЪ: но сей непобѣдимый монархЪ воспріялЪ толь существительныя мѣры, и гонцы ево толь изрядно ему служили, что увѣдавЪ о собраніи арміи Витикиндовой вЪ нѣскольких миляхЪ отЪ Ересбурга, для ожиданія тамЪ Короля и вспомогательнаго войска Дацкаго, довлѣющаго сЪ нею соединиться, пошелЪ вЪ ту сторону сЪ такимЪ прилѣжаніемЪ, что находился вЪ виду непріятеля на канунѣ похоронЪ ПринцессиныхЪ, далЪ ей битву, разбилЪ

бил оную на части, и продолжал походъ свой къ стѣнамъ Ересбурга, прежде нежели Витикиндъ могъ получить извѣстие о уронѣ своихъ войскъ, такъ что Принцъ Норвежскій прошедъ сквозь городъ, и представъ съ своими солдатами въ дворцовой караульнѣ какъ Саксъ, коихъ языкомъ онъ какъ природнымъ говорилъ, и объявивъ лозунгъ узнанный имъ отъ часоваго стоявшаго при храмѣ, приказалъ отворить ворота находившіяся близъ дворца Витикиндова, подъ видомъ будто надлежало пропустить деташементъ Дацкихъ войскъ, ожидавшихъ только знака къ приближенію.

Они тому повѣрили. Тогда овладѣвъ воротами съ своими солдатами, взошелъ онъ на одну изъ стоящихъ башенъ, и подалъ знакъ, о коемъ договоренось было прежде. Ему не умѣдлили на оной отвѣтствовать. Въ самую ту минуту отворивъ ворота, Французскія войска начали во оныя продираться. Саксы узнавъ, но поздно, что были обмануты, хотѣли сопротивляться ихъ проходу; но храбрый Ерихъ, вспомоществуемый своими, выдерживалъ ихъ усиленіи съ такою храбростію,

бростїю, что почти всѣ они были переколоты. Могшїе уйти побѣжали тотчасъ для причиненїя шуму въ городѣ. Витикиндъ разбужденный симъ усугубленнымъ крикомъ по всѣмъ сторонамъ раздающимся, ополчился съ торопливостїю, сѣлъ на коня, и собравъ находившїяся въ Ересбургѣ войски, бѣжалъ на помощь сему городу; но войски Карловы разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ рубили всѣхъ хотящихъ имъ противиться; и невзирая на храбрость и отчаянїе Витикиндово увидѣлъ онъ съ прискорбностїю людей своихъ и городъ во власти Хрїстїанъ. Между тѣмъ Ерихъ опасаясь всегда о убѣжищѣ Ильдегардиномъ, и не имѣя болѣе противъ себя непрїятелей, побѣжалъ съ торопостїю ко храму, дабы привесть тамъ въ почтенїе любви своея предмѣтъ. Караульные при приближенїи его хотѣли обороняться, но неустрашимость ихъ служила только къ тому, чтобъ тѣмъ скоряе нашли они свою смерть. Клодомаркъ увѣдомленный шумомъ оружїя и крикомъ бїющихся, пошелъ съ Араспомъ и Французскими солдатами

на

на мѣсто битвы, и какъ наступившїй ужѐ день, допустилъ ихъ узнать Ериха, то пристали они къ нему, и принудили Саксовъ просить помилованїя.

На конецъ страшный Кароломанъ вошедши самъ въ городъ, принудилъ обывателей просить пощады, между тѣмъ какъ Витикиндъ оставленный отъ своихъ безъ всякїя надежды, увидѣлъ себя принужденна искать своего спасенїя въ побѣгѣ; ибо звѣрское ево смѣльство не дозволяло ему отдаться на волю своему побѣдителю. Въ самомъ дѣйствїи воспользуясь смятенїемъ своихъ подданныхъ, и упражненїемъ Французовъ, спасался самъ другъ, и уѣхавъ въ поле, соединился съ Датчанами идущими къ нему на помощь. Между тѣмъ Карлъ здѣлавшись самовластнымъ государемъ въ Ересбургѣ, занялъ дворецъ побѣжденнаго Короля, и обѣщалъ поступать съ Саксами какъ съ собственными своими подданными, съ условїемъ когда воспрїимутъ они хрїстїанскую вѣру, и не хотѣлъ имѣть нималѣйшаго покоя, пока не испровергнетъ идола Ирминзуля, и не изтребитъ

битъ всего служившаго къ мерзскому его богопочитанію

Для исполненія сего поѣхавъ въ сей храмъ. былъ онъ тамъ принятъ Принцемъ Ерихомъ, который представилъ ему Клодомарка и прекрасную Ильдегарду, разсказавъ ему сокращенно про ихъ произшествіи, причемъ не позабылъ онъ усердія и вѣрности Араспа и Тиринды. Великодушный монархъ, возрадуясь что увидѣлъ Ериха, обнялъ его съ горячностію, превознося похвалою его мужество, и храбрость, и изъявилъ Клодомарку искренную радость, что могъ подать ему опыты своего почтенія, здѣлавъ послѣднія времена его жизни счастливѣе первыхъ. И какъ былъ онъ въ свое время государь къ любви весьма склонный, то изъявилъ молодой Принцессѣ, что умѣетъ онъ также хорошо разсуждать о прелестяхъ красоты, какъ и о поступкахъ героическихъ. Онъ приказалъ имъ жить во дворцѣ; и не сомнѣваясь о склонностяхъ Ериховыхъ къ Ильдегардѣ не щадилъ ничего, что могло доказать ему его дружелюбіе.

Между тѣмъ хотя совершить свое завоеванїе, вознамѣрился онъ гнаться за Витикиндомъ, и поразить Датчанъ, пришедшихъ къ нему на помощь; и оставя сильный гарнизонъ въココресбургѣ съ Клодомаркомъ и Араспомъ, дабы повелѣвать въ городѣ, вышелъ изъ онаго съ своею армїею, имѣя при себѣ храбраго Ериха. Они не долго походъ свой продолжали; неустрашимый Витикиндъ соединившись съ Датчанами, и собравши подъ свои знамена остатки своихъ войскъ, шелъ на встрѣтенїе Французамъ съ толикою непоколебимостїю, какъ будто бы не былъ отъ нихъ побѣждаемъ толь многократно. Но все его мужество не служило ему больше ни къ чему; и хотя оказалъ въ семъ случаѣ удивленїя достойную храбрость, однако армїя его была на голову побита, и Датчане всѣ порублены или въ плѣнъ взяты, равно какъ и Саксы. Великодушный Карлъ, радуясь, что нашелъ въ Витикиндѣ героя достойнаго его помилованїя, приказалъ стараться ево захватить, щадя однакожъ жизнь его. Но сїя пощада споборствовала

къ его побѣгу; ибо сей Принцъ менѣе боялся смерти, нежели потерянія своея вольности. Но какъ не былъ болѣе въ состояніи ничего предпріять, то Карлъ велѣлъ только за нимъ слѣдовать, дабы узнать мѣсто его убѣжища, и остался побѣдителемъ въ Ересбергѣ, гдѣ для торжествованія своея побѣды, приказалъ посвятить истинному богу храмъ Ирминзулевъ, выпустилъ жрецовъ и Весталей сего идола на свободу, и разсѣялъ ихъ въ послѣдствіи по монастырямъ мускимъ и дѣвичьимъ, дабы обучаться тамъ закону каѳолическому. Клодомаркъ увѣренный во внутренности своея души, что долженствовалъ симъ великимъ произшествіемъ обѣту учиненному имъ хрістіанскому богу, побудилъ Ильдегарду, Араспа и Тиринду окреститься подобно ему, и просилъ Карла, чтобъ были онѣ просвѣщены въ семъ достохвальномъ поступкѣ наиученѣйшими и прозорливѣйшими мужьями тогдашняго времени.

Сей Монархъ желая отправленіе сея церемоніи учинить славнымъ, и благопріятствуя Ериху, поручилъ

ему

ему проводить Ильдегарду и Тиринду въ игуменство Фармутіерское, коего Принцесса Ильтруда, дочь его, была игуменьею, и оставилъ при себѣ Клодомарка и вѣрнаго Араспа. Какъ Ерихъ зналъ Ильтруду, и увѣщанія ея не мало способствовали къ побужденію его оставить свои заблужденія; то имѣлъ искренное порадованіе, видѣть прекрасную Ильдегарду въ рукахъ ея. Путь ихъ былъ благопоспѣшенъ, и свѣтлѣйшая Игуменья приняла ихъ съ материнскою горячностію. Нѣсколько спустя Карлъ отложивъ на время свои воинственныя производства, дабы удостоить дворъ высочайшаго своего присутствія, и стараться о пользѣ своихъ подданныхъ, дозволилъ Клодомарку ѣхать въ Фармутіеръ съ Араспомъ и Принцемъ Ерихомъ, взять оттуда Ильдегарду и Тиринду, коихъ отриновеніе отъ идолопоклонничества воспослѣдовало съ великолѣпіемъ. Принцесса Ильтруда приняла ихъ со всѣмъ своимъ обществомъ; но въ ту минуту когда слушала она учтивости Принцевъ, и готовилась имъ на оныя отвѣтствовать, возсталъ такой шумъ отъ одной монахини находившейся между

сими святыми дѣвами, что была она принуждена пресѣчь рѣчь свою, дабы навѣдаться о причинѣ того. Тогда та, о коей говорено выше, приближась и бросясь къ ногамъ ея, подняла свое покрывало, и готовилась говорить, какъ Клодомаркъ узнавъ въ семъ прекрасномъ лицѣ покрытомъ слезами, всѣ черты возлюбленныя своея Урисберты, поднялъ крикъ умножившій удивленіе всего собранія. Но онъ не оставилъ оное надолго въ невѣденіи того, что причинило въ немъ оный, и подошедъ съ изступленіемъ: праведное Небо! вскричалъ, это Урисберта! боже великій! сказала въ самое то время сія свѣтлѣйшая монахиня, я не ошибаюсь, это Клодомаркъ, коего я вижу. Не возможно описать по порядку произшедшаго въ сію минуту между Ильдегардою, Араспомъ, Ерихомъ и обѣими супругами соединенными толь страннымъ случаемъ. Младая Принцесса бросилась къ ногамъ своея матери, Клодомаркъ обнималъ ея колѣна, Ерихъ увѣдомлялъ игуменью, Араспъ и Тиринда произносили тьму радостныхъ восклицаній, а общество

щество тронутое толь нѣжнымъ зрѣлищемъ, не могло удержать слезъ своихъ.

Наконецъ Принцесса Ильтруда желая порядочно изъясниться о семъ происшествіи, наложила на всѣхъ молчаніе, приказала поднять Урисберту, обняла ее, и обѣщавая оказать ей всѣ услуги, кои будутъ въ ея силѣ, просила сказать, что принудило ее скрыть свое имя и породу, при вступленіи въ домъ сей. Благоразумная Урисберта благодарила за ея милость, и разсуждая что свѣдомы ей всѣ ея происшествіи до самаго ея кораблекрушенія, начала повѣсть съ того времени.

Милостивая Государыня, сказала Урисберта, не мало ужѐ тому времени, какъ была я христіанка во внутренности сердца, когда просила Клодомарка отвезти меня во Францію. Одна рабыня изъ сей Націи, которую я при себѣ имѣла, подала мнѣ первыя наставленіи своея вѣры, и я была такъ оными тронута что когда хотѣла здѣлать пробу раскаленнаго желѣза, въ оправданіе невинности моего супруга, тогда единственно имѣла въ мысляхъ

ляхъ призвать Христіанскаго бога къ себѣ на помощь, уповая, что доставитъ онъ мнѣ побѣду надъ неправосудіемъ и клеветою. Упованіе мое было необманчиво; я возвела къ нему умъ мой и сердце, и одержала верьхъ надъ моею соперницею. Съ того числа горя желаніемъ быть явно тѣмъ, что была скрытно, побудила я моего супруга удалиться во Францію, не разсудя за благо объявить ему мое намѣреніе, прежде нежели буду въ безопасномъ мѣстѣ, и подъ защитою такого государя, который бы меня могъ освободить отъ его гнѣва, естьлибъ не согласился онъ на мое намѣреніе; но Небо хотѣвшее испытать мое постоянство, заставило насъ претерпѣть сіе жестокое кораблекрушеніе, гдѣ потеряла я вдругъ Клодомарка, дочь мою и вѣрнаго Араспа, коимъ безмѣрно я была обязана.

Доброхотные пастухи помогли мнѣ, и взяли меня къ себѣ; я безмѣрно чувствовала претерпѣнные мною уроны, но будучи тверда въ моемъ намѣреніи жертвовала оными освободившему меня отъ толикихъ опасностей, и нѣсколько дней спустя

послѣ

послѣ моего несчастія провѣдавъ, что купеческій корабль привелъ себя въ безопасность отъ бури на берегахъ, гдѣ жили пастухи, велѣла я себя туда вести, и подарила нѣсколько алмазовъ, дабы скоряе склонить къ себѣ начальника онаго; онъ принялъ меня съ радостію, и обѣщалъ высадить меня въ какой нибуль гавани Французской. Онъ содержалъ мнѣ свое слово; мореплаваніе наше было весьма благополучно, и я получила многіе знаки почтенія отъ находившихся на кораблѣ, который былъ Французскій, и высадилъ меня на берегъ въ Бретанѣ. Какъ начальникъ далъ мнѣ довольное число денегъ за мои алмазы, то не усомнилась я представить себя въ дѣвичей монастырь, гдѣ я обучена, и отреклася отъ прежняго невѣрія.

Тамъ то провѣдала я, что знаменитый Кароломанъ имѣлъ одну изъ Принцессъ своихъ Игуменьею въ Фармутіерѣ; желаніе приближиться къ сему великому государю побудило меня принять намѣреніе ѣхать сюда, и я вступила въ сей монастырь, предпріявъ твердо, не выходить

дишь никогда изъ онаго. Я предстала здѣсь по смиренїю единственно подъ именемъ полученнымъ мною при крещенїи, отрекшись совершенно отъ прежняго моего имени и отъ титула Принцессы. Рѣдкїя добродѣтели, кои увидѣла здѣсь производимыя, побудили меня постричь я; по тому что не уповала я видѣть больше сихъ драгоцѣнныхъ мнѣ предмѣтовъ; ты удовольствовала мою нетерпѣливость, и съ того времени, какъ толь святые узы отчуждили меня отъ всего безпокойства, дни мои не были потревожены никаковыми противными минутами. Прилѣпившись къ должностямъ моего сана, и будучи всегда во уединенїи, не навѣдывалась я о томъ, что происходило въ мїрѣ, и не думала никогда принимать въ томъ участїя, какъ сїя юная Принцесса, сказала она, указавъ на Ильдегарду, прибыла въ сїе блаженное жилище.

Присутствїе ея возбудило въ сердцѣ моемъ движенїи горячности приведшїя меня во удивленїе; я спросила о ея имени, достоинствѣ и отечествѣ. Подруги мои обманутыя наружностїю, сказали мнѣ, что

она

она Саксонка, дочь верховнаго Жреца ихЪ идоловЪ; что отецЪ ея восприялЪ крещеніе, и находится при дворѢ КоролевскомЪ, и долженствовали симЪ обращеніемЪ Принцу Ериху, родственнику Короля Норвежскаго. имя Ериха меня удивило; и не могши уразумѢть, по какому незапному случаю племянникЪ мой находится вЪ сей землѢ, ниже почто вмѢшался онЪ вЪ касающееся до сихЪ идолопоклонниковЪ; возстало вЪ душѢ моей такое смятеніе, коимЪ овладѢть я была несильна, и не видя никогда сей Принцессы не будучи вЪ готовности проливать слезы, убѢгала я ея присутствія, и здѢлалась больше прежняго уединенною. Между тѢмЪ, данное тобою намЪ повелѢніе за нѢсколько дней, чтобЪ находиться при тебѢ при вЪѢздѢ иностранныхЪ ПринцевЪ, принудило и меня тутЪ появиться; глаза̀ мои лишЪ только на нихЪ обратились, какЪ обознавЪ моего супруга, не могла я удержать слезЪ моихЪ, и разсуждая по ево словамЪ, что Ильдегарда дщерь моя, природа, любовь и радость привели меня вЪ такое смущеніе, что надлежало мнѢ уступить

пить ихъ восхищенїямъ. Такъ, государыня, примолвила она, вижу нынѣ паки все то, чего нѣтъ мнѣ драгоцѣннѣе; но съ мыслями весьма отличными отъ тѣхъ, кои имѣла въ своей юности. Приношу благодаренїе Вышнему за соблюденїе ихъ, и какъ сїя новая его милость, утверждаетъ наипаче тѣ узы, коими я къ нему прилѣпилась; то дерзаю требовать отъ Клодомарка, и отъ его дщери, чтобъ ихъ почитать; и оставить меня у ногъ Ево олтаря, дабы приносить Ему непрестанное благодаренїе за его неизреченныя благодѣянїи.

Добродѣтельная Принцесса, коей повѣствованїе привело въ жалость всѣхъ свѣтлѣйшихъ ея слушателей, лишъ только перестала говорить, какъ Клодомаркъ воззрѣвъ на нее съ почтительнымъ удивленїемъ: нѣтъ, дражайшая моя Урисберта, сказалъ ей, не бойся, чтобъ богомерзскими желанїями восхотѣлъ я нарушить благоговѣйное твое намѣренїе: будучи удаленъ отъ того, чтобъ осуждать оное, возбужденъ я таковымъ же жаромъ, каковый тебя освѣщаетъ, хочу только тебѣ подражать и

посвя-

посвятить себя на всегда сему богоугодному служенію. Радость Принцессы Ильтруды была безмѣрна, услыша его говорящаго такимъ образомъ: и плѣнясь добродѣтелью сихъ новообращенныхъ, дозволила имъ поступить по движеніямъ своихъ сердецъ. Прекрасная Ильдегарда стократно лобызала свѣтлѣйшую мать свою; Араспъ и Принцъ Ерихъ изъявляли ей свое почтеніе и горячность; а Клодомаркъ благословлялъ громогласно сей блаженный день. Между тѣмъ Ильтруда провѣдавшая о соизволеніи Короля своего родителя, и хотѣвшая сообщить ему сіе произшествіе, поѣхала съ Урисбертою, Ильдегардою и Тириндою въ Петерборнъ, гдѣ Карлъ находился. Принцы Ерихъ и Клодомаркъ въ провожаніи Араспа и многихъ вельможъ слѣдовали за ними верьхами, во всю дорогу продолжавшуюся мѣдлительно. Кароломанъ увѣдомленный о ихъ прибытіи чрезъ множество гонцевъ, приказалъ ихъ принять при звукѣ воинственныхъ инструментовъ своея арміи, и оказалъ имъ отмѣнную честь. Принцесса дщерь его разсказала ему про все произшествіе, и просила его со-

вершить имъ начатое, ставъ воспрїемникомъ при крещенїи Ильдегарды. Церемонїя сїя происходила съ крайнимъ велелѣпїемъ. Ерихъ здѣлалъ такову же честь Тириндѣ съ одною Принцессою Французскою; ибо Клодомаркъ и Араспъ ужѐ за долго прежде окрещены были. Нѣсколько дней спустя, Короломанъ пожаловалъ Принца Ериха Герцогомъ Фрїульскимъ и Каринтїйскимъ такожѣ и сосѣдственныхъ земель, и выдалъ за него Ильдегарду. Араспъ плѣненный Тириндою, соединилъ съ нею свою судьбину, и обое не разлучались никогда съ Герцогомъ и Герцогинею Фрїульскими. Клодомаркъ пошелъ въ монастырь, принялъ орденъ, набралъ себѣ монаховъ, и примѣрною своею жизнїю загладилъ заблужденїи своея юности. А чтобъ усовершенить славу Кароломанову, то открывъ убѣжище Витикиндово, послалъ онъ къ нему Амаловинуса, бывшаго у него посломъ въ Ересбургѣ, дабы его уговорить.

Сей вельможа будучи остроумнѣйшїй въ свое время съ такою пользою употребилъ свои дарованїи и краснорѣчїе, что убѣдилъ Короля

Саксон-

Саксонскаго, и побудилъ его ѣхать къ Карлу. Сей великїй Государь принялъ его съ обыкновенною щедростою, велѣлъ его научить и окрестить, и далъ ему Герцогство Ангрїйское. Но величайшее дѣйствїе произвело надъ Витикиндомъ то, что увидѣлъ онъ въ живыхъ Ериха и сїю Клодомиру, которую приказалъ умертвить; и не сомнѣваясь, чтобъ толико удивительныхъ случаевъ не были производимы Провидѣнїемъ, которое онъ обожать толь долго отрицался, покорился оному безпрекословно. Ильтруда и благоразумная Урисберта исполненныя удовольствїемъ возвратились во свое убѣжище, и всѣ наслаждались своимъ благоденствїемъ во время долголѣтнаго и славнаго царствованїя Кароломанова.

XX. НОВОСТЬ.

Аделѣйда, Королева Лонгобардская.

Во время, и почти въ самую минуту произшествій объявленныхъ мною въ четвертомъ Томѣ въ повѣсти Удалерика, Герцога богемскаго, Императоръ Оттонъ, первый по имени и прозванный великимъ, не менѣе оказывалъ желанія къ мщенію и завладѣнію тою, которая покорила его своимъ законамъ, но съ тѣмъ различіемъ, что Герцогъ богемскій жертвовалъ славою своей любви, а Оттонъ казался употреблять только любовь свою ко умноженію своея славы. Будучи вѣрнымъ любовникомъ, великодушнымъ другомъ, и великимъ полководцемъ, умѣлъ онъ сообразовать сіи титулы въ самотончайшихъ обращеніяхъ, и не инако какъ великостію дѣлъ своихъ извѣстилъ вселенную о великости своея любви.

Несравненная Аделѣйда, дщерь Рудольфа Короля Бургундскаго, была

ла сему предмѣтомъ; и хотя рѣдкія добродѣтели сея прекрасныя Принцессы безъ сомнѣнія извѣстны бы были безъ всякія помощи, однако можно сказать, что пламя, коимъ воспалили онѣ сердце Оттоново, придавало имъ новое сіяніе. Сей Принцъ былъ еще подъ властію Генриха, по имени перваго, Императора Нѣмецкаго, своего родителя, какъ желая узнать чрезъ самово себя различныя свойства Европейскихъ Государей, и состояніе ихъ подданныхъ, принялъ намѣреніе объѣздить скрытно дворы чужестранные. Слава о Лотаріи второмъ, королѣ Лонгобардскомъ, побудила его сперьва предпріять путь свой въ Италію. Какъ Императоръ Генрихъ только лишъ успокоилъ смятеніи въ Нѣмецкой землѣ храбростію и благоразуміемъ младаго Оттона то, не почиталъ за должное противиться его предпріятію, и хотѣлъ здѣлать ему угожденіе, дозволивъ употребить сіе мирное время на упражненіе толь достойное Принца стремящагося научиться. Въ сихъ мысляхъ старался онъ только споспѣшествовать тайнѣ, коею хотѣлъ прикрыть его

странствованіи; и хотя взялъ экипажъ пристойный большому господину, однако оной такъ уступалъ приличествующему Императорскому сыну, что трудно бы было ево познать по симъ наружнымъ знакамъ, естьли бы Небо не изобразило на челѣ его сего вида величества и превосходства, коими благоугодно ему одарять людей назначенныхъ имъ повелѣвать другими. И такъ подъ именемъ Графа Нирембергскаго, любимца Императора Генриха, отправился онъ ко двору Лотарія, Короля Лонгобардскаго; и какъ онаго титула довольно было, дабы принудить сего Монарха къ оказанію ему почести, то былъ онъ принятъ со всею отмѣною, какой могъ желать подъ принятымъ имъ именемъ.

Лотарій былъ младый государь преисполненный злыми и добрыми качествами; но умѣлъ толь изрядно скрывать первые, и выводить на ружу послѣднія, что невозможно ему было отказать въ своемъ сердцѣ, когда предпріиметъ онъ овладѣть онымъ. Принцъ Оттонъ напротивъ того имѣлъ тьму добродѣтелей, и никакова порока; былъ

былЪ наидороднѢйшій мущина своего времени, и присовокуплялЪ кЪ прелестнымЪ наружностямЪ такую великость духа, и такія склонности, кои привлекали на ево сторону безЪ изъятія всѢхЪ кЪ нему приближавшихся. Лотарій былЪ прозорливЪ, притворчивЪ, и употреблялЪ часто наиосвященнѢйшія узы должности и дружества для политическихЪ своихЪ намѢреній, коимЪ жертвовалЪ оными безЪ труда, когда признавалЪ то за потребное своимЪ интересамЪ. ОттонЪ былЪ откровененЪ, искрененЪ, чистосердеченЪ, и употреблялЪ только политику вЪ дѢлахЪ государственныхЪ, для безопасности Имперіи, или для благосостоянія своихЪ подданныхЪ.

ПринцЪ НѢмецкій былЪ столько просвѢщенЪ, что не могЪ не узнать сего свойства, невзирая на старанія прилагаемыя МонархомЪ кЪ сокровенію онаго: однако сіе познаніе не могло воспрепятствовать ему восприять кЪ Лотарію нѢжное дружество; и какЪ Король Лонгобардскій чувствовалЪ, что политика его требуетЪ угождать Цесарю и признавать Оттона за Графа Нирембергскаго его любимца, то не упускалЪ

онъ ничего, дабы притти къ нему въ любовь. Онъ въ томъ преуспѣлъ, и естьли бы младый Принцъ былъ одинъ властелиномъ своея тайны, то бы началъ онъ подаванїемъ ему опытовъ своего почтенїя, открывъ ему свое достоинство и намѣренїи; но какъ Императоръ согласился на храненїе сея тайны, единственно съ тѣмъ условїемъ, чтобъ не открывалъ онъ никому оной, то увидѣлъ онъ себя принужденнымъ молчать. Однакожъ какъ сїе притворство не сообразовалось съ сроднымъ ему чистосердечїемъ, то награждалъ онъ его всѣми откровенностьми своего сердца, какїя учинить ему былъ властенъ, и судьба казавшись хотящею возвратить ему съ одной стороны то, что думалъ онъ терять съ другой, побудила его подать Лотарїю дружества своего знаки гораздо существительнѣйшїе, нежели сїя довѣренность.

Хотя сей Монархъ обладалъ наибольшею частїю Италїи подъ титуломъ Короля Лонгобардскаго; однако было тамъ нѣсколько знатныхъ городовъ подъ управленїемъ разныхъ Князей искавшихъ самодержавства,

модержавства, и часто старавшихся сложить съ себя иго Лотарїево, коего были они Вассалы, и коему платили дань. Между сносившими сїе съ меньшею терпѣливостїю, былъ Беренгеръ, который яко наисильнѣйшїй явно назывался Принцемъ Италїанскимъ, и коего зависть и честолюбїе его пожираемыя, побуждали воздыхать непрестанно о титулѣ Королевскомъ.

Онъ имѣлъ сына по имени Алберта, который сходствомъ склонностей съ нимъ, заставлялъ его желать еще съ вящимъ усердїемъ возложить на главу ево корону, но Лотарїй казался быть толь изрядно утвержденнымъ въ своихъ областяхъ, и малые Князья Италїанскїе толь малосильны были подкрѣплять хотящаго свергнуть его съ престола, что по недостатку способовъ въ томъ успѣть, отецъ и сынъ принуждены были скрывать тайную печаль, которую чувствовали отъ повиновенїя. Принцъ Албертъ былъ воспитанъ съ Лотарїемъ, и привычка, паче нежели искреннос дружество, такъ ихъ сопрягала, что, Монархъ приглашалъ ево ко всему,

что

что до нево касалось, и дѣлилъ съ нимъ всѣ свои забавы. берангеръ толь изрядно научилъ сына своего притворяться, что казалось, будто Лотарій не имѣлъ вѣрнѣйшаго друга, каковъ былъ Принцъ Албертъ; и невзирая на всю прозорливость Монарха, былъ онъ въ томъ удостовѣренъ не менѣе другихъ.

Въ то время, когда находился онъ въ величайшей у Короля Лонгобардскаго милости, прибылъ ко двору его мнимый Графъ Нирембергскій. Присутствіе его возобновило честолюбіе берангерово, и разсудя что не можно никогда завладѣть Италїею безъ помощи Императора, и что крайне для него важно плѣнить сердце его любимца, Албертъ и онъ казались наистарательнѣйшими въ оказаніи ему всякія чести. Оттонъ, который перемѣнивъ имя, не перемѣнилъ своихъ качествъ, принималъ изъявленіи ихъ почтенія съ видомъ толь искреннимъ, и съ знаками толь отмѣннаго почтенія, что не сомнѣвались они въ успѣхѣ, дабы склонить его на свою сторону. Однакожъ чтобъ не здѣлать ничего легкомысленно на отвагу, то Албертъ притворяясь,

творяясь, будто исполнял волю королевскую, так старался увѣдомлять его о наисокровеннѣйших дѣлах, о состоянїи держав, коих надлежало ему опасаться, о тѣх, кои могли его защищать, и о безпрерывных раздорах Князей Италїанских, что Оттон увидѣл себя толь скоро о всем извѣщенна, как будто бы находился в совѣтѣ Лотарїевом; но таковыя обьясненїи подали ему повод подозрѣвать нѣкое тайное намѣренїе противу Императора его родителя, хотя Альберт говорил по согласїю с Лотарїем, или хотя то происходило единственно из собственнаго движенїя, и для того вознамѣрился проникнуть тому причину; и разсудя, что политика ему была тогда потребна, употребил всѣ хитрости, дабы ничего не пренебречь, что могло быть полезно Имперїи, или нужно для безопасности Лотарїевой. Для сей причины притворялся, будто никогда не сообщал сему Монарху тѣх разговоров, кои имѣл с Альбертом, будучи увѣрен, что естьли оные происходили по его повелѣнїю, то

не

не преминетъ онъ съ нимъ объ нихъ изъясниться; а есть ли Принцъ Италїянскїй поступалъ такъ самъ собою, то подастъ онъ ему сею поступкою опытъ своея скромности, которая побудитъ ево открыться ему совершенно.

Сїе разсужденїе было справедливо. Албертъ и Берангеръ увѣрены будучи, что могутъ положиться на Графа Нирембергскаго, перестали скоро говорить о общественныхъ дѣлахъ, и начали увѣдомлять его о особенныхъ; и во многихъ бесѣдахъ изъявляли ему, что Князья Италїянскїе съ трудомъ терпятъ Лотарїя на престолѣ, что сей государь здѣлалъ великїя погрѣшности въ правленїи, и есть ли бы Імператоръ восхотѣлъ въ то вмѣшаться, то бы легко было исправить причиненное имъ зло. Оттонъ ожидавшїй только сего открытїя, дабы здѣлаться совершеннымъ тайны ихъ участникомъ, обнадеживалъ ихъ не колебаясь о старанїяхъ, кои приложитъ Генрихъ о пользѣ народовъ Лонгобардскихъ, есть ли поданы ему будутъ къ тому средства; и что онъ будетъ къ тому способствовать

вовать всею своею властїю. Албертъ и отецъ его обѣщали увѣдомить ево о всемъ, когда возможно имъ будетъ разговаривать съ нимъ не опасаясь помѣхи, или подсматриванїя; а Принцъ Нѣмецкїй горя желанїемъ открыть Лотарїю ложныхъ его друзей, и доказать ему симъ видомъ великодушїя, сколь онъ противъ него искрененъ; назначилъ имъ свиданїе въ самомъ уединенномъ мѣстѣ дворцовыхъ садовъ къ завтрешнему дню, въ который Монархъ Лонгобардскїй имѣлъ обычай запираться съ знатнѣйшими своими совѣтниками, для разсужденїя о пользѣ и надобностяхъ своего государства. Принцъ Нѣмецкїй испытавъ свойство Берангерово и Албертово, былъ увѣренъ, что единственное желанїе завладѣть короною Италїянскою, побуждало ихъ охуждать поступку Лотарїеву, и что они хотѣли побудить Императора вмѣшаться въ сїе дѣло единственно, дабы быть довольно сильными къ ево низверженїю; но желая знать всѣ ихъ замыслы, что бы остановить оныхъ теченїе, вознамѣрился притворяться, доколѣ совершенно

но изъяснится во всѣхъ своихъ догадкахъ.

Сей Принцъ препроводилъ ночь въ чрезвычайномъ безпокойствѣ, не могши уразумѣть тому причины: между тѣмъ дружество ево къ Лотарїю, и омерзѣнїе, кое имѣлъ къ измѣнникамъ, побуждали ево думать, что вѣроломство Албертово и Беренгерово были тому причиною, почему и ласкалъ себя, свободиться отъ своихъ безпокойствъ, когда испровергнетъ ихъ намѣренїи. Въ сихъ мысляхъ не могши закрыть рѣсницъ своихъ, всталъ онъ рано, велѣлъ себя одѣть, и пошелъ въ дворцовые сады, дабы размышлять тамъ на свободѣ до часа своего свиданїя. Онъ ужѐ нѣсколько времени тамъ прогуливался, какъ вошедъ въ боскетъ заключающїй покрытый ходъ, почувствовалъ, что шелъ по чемъ то крѣпчайшемъ нежели песокъ; онъ смотритъ, ищетъ, и находитъ наконецъ малеекую коробочку весьма просто золотомъ оправленную, безъ всякаго украшенїя, и закрытую такъ, что не можно было ее открыть, не зная секрета; но любопытный Оттонъ возбуждаемый

емый несвѢдомымЪ движенiемЪ, оборачивалЪ коробочку толь разными образы, что разорвалЪ пружину, и достигЪ до желаемаго: но скоро имѢлЪ причину раскаяться, что принудилЪ, такЪ сказать, предмѢтЪ, который она вЪ себѢ заключала, появиться глазамЪ его. Ето была младая особа одѢтая пастушкою, держащая вЪ рукѢ посохЪ, и имѢющая на плечѢ повѢшенную сЪ цвѣтами корзинку, которая сiянiемЪ чудесныя своея красоты поразила онаго Принца скорою и непобѢдимою стрѢлою. До сей минуты одна слава упражняла его сердце и предваренЪ будучи вообраќенiемЪ, что Принцы хотящiе заслужить имя великаго, должны только стараться о благосостоянiи своихЪ подданныхЪ, и рождены только на то, чтобЪ быть жертвами государства, убѢгалЪ онЪ сЪ крайнымЪ раченiемЪ, чтобЪ не предаваться лъстивымЪ прелестямЪ обманчиваго женскаго пола, дабы утвердить узы достохвальнаго брака, не будучи вЪ бѢдственной необходимости прервать узы наипрiятнѢшiя.

Но портретъ уничтожилъ въ одну минуту хранимыя имъ чрезъ многіе годы намѣренія, и уповаемый наслѣдникъ нѣмецкія имперіи, который старался соблюсти себя для величайшихъ Принцессъ, увидѣлъ себя покореннымъ единому взору живописи, которая могла быть только дѣйствіемъ выдумки живописца, или бы здѣлавшись подлинникомъ представляла любви его только дѣвицу, коей бы порода была непреоборимою препоною ево желанію, чтобъ удостоить ее своего сожитія. Однакожъ все сіе не составляло его разсужденій; единственно мыслящій о прелестяхъ пастушки, не почиталъ ничего невозможнымъ, и не предусматривалъ иныхъ затрудненій въ возрастающей своей любви, какъ только то, чтобъ сыскать сей предмѣтъ, и привесть себя у онаго въ любовь. Какъ простота коробочки подавала ему причину думать, что любовникъ былъ не знатнаго достоинства, то ласкалъ онъ себя открыть ево между придворными Лотаріевыми, по безпокойству, кое не преминетъ онъ имѣть примѣтя учиненную имъ потерю, и будучи увѣренъ,

увѣренъ, что не умѣдлитъ узнать имя юныя сея красоты, когда узнаетъ своего солюбовника, предался онъ совершенно удовольствію, что бы разсматривать пріятности сея удивительныя незнакомицы.

Въ семъ пріятномъ упражненіи ожидалъ онъ часа своего свиданія съ Албертомъ и Беренгеромъ, не со всѣмъ безъ прискорбія, что принужденъ будетъ нарушить оное. Но какъ ни одинъ человѣкъ не умѣлъ лучше ево преодолѣвать движеніи своея души, то лишь только привелъ себѣ на память причину приведшую его въ сіе мѣсто, какъ оставивъ возбуждаемое ево усердіе, думалъ только о томъ, чего требовало дружество ево къ Лотарію; и не взирая на безпокойство, кое произшествіе съ портретомъ причинило въ его сердцѣ, возстановилъ онъ скоро во ономъ равнодушіе и спокойствіе, въ коихъ имѣлъ нужду для наступающаго разговора. Онъ былъ въ семъ положеніи, какъ Принцы къ нему пришли. Хотя нравъ ихъ обманчивый и притворный довольно открылся глазамъ Оттоновымъ, для возбужденія въ немъ презрѣнія, однако на-

дежда привести ихъ паки къ своей должности, до сего дня нѣсколько удерживала его къ нимъ негодованіе. Между тѣмъ лишь только увидѣлъ онъ подходящаго къ себѣ Алберта, какъ непреодолимое нѣкое движеніе принудило его воззрѣть на него неинако, какъ непріязненными глазами, и все его благоразуміе потребно ему тогда было, дабы не изъявить потаенныя ненависти, которую къ нему въ сію минуту почувствовалъ. Однако воздерживалъ себя; и попрося ихъ говорить ему съ открытымъ сердцемъ, потому что никто не могъ ихъ слышать Берангеръ принялся говорить, и посмотрѣвъ на мнимаго Графа Нирембергскаго взоромъ изъявляющимъ важность его таинства: не могу сомнѣваться, государь, сказалъ ему, чтобъ Небо не благопоспѣшествовало моимъ намѣреніямъ, потому что привело оно тебя къ сему двору, дабы облегчить мнѣ способъ ко изображенію тебѣ изустно интересовъ Императора твоего Государя; и какимъ образомъ смѣшены они съ моими. Италія желаетъ Короля, продолжалъ онъ, но Короля достойнаго быть онымъ.

онымъ. Слабый Лотарїй имѣетъ только титулъ онаго, и народы стенаютъ подъ игомъ многихъ владѣтелей, хотя кажется, что имѣютъ они токмо одного; однакожъ изо всѣхъ Князей Италїянскихъ ищущихъ овладѣть короною, я одинъ имѣю требованїи на справедливости основанныя. Порода моя и услуги оказанныя мною государству, подаютъ мнѣ къ тому справедливыя права̀, и признаюсь тебѣ, что съ великимъ прискорбїемъ взираю на другаго обладателя онаго. Можетъ статься, что бы сїе любочестїе погасло, естьли бы имѣлъ я предмѣтомъ только одного себя; но какъ Небо даровало мнѣ сына, то трепещу отъ стыда и досады, видя его повинующагося такому игу, кое долженствуетъ онъ налагать другимъ. Недостатокъ случаевъ, кои я имѣлъ, чтобъ его отъ онаго свободить, принуждалъ меня скрывать мои чувствованїи; но теперь когда могу выставить силы довольно великїя для производства моего намѣренїя, и довелъ Князей Италїанскихъ до того, что готовы они мнѣ помогать,

естьли Императоръ вступитъ въ мои замыслы, и будетъ меня подкрѣплять; то надобно, чтобъ я либо потерялъ жизнь, или возложилъ корону на главу Албертову. И такъ отъ тебя зависитъ, государь, увеличить славу Императора твоего Государя, побудивъ его къ благопоспѣшествованію нашего предпріятія. Пусть дастъ онъ мнѣ войски для соединенія съ нашими; пусть поможетъ онъ мнѣ согнать Лотарія съ престола; пусть признаетъ онъ сына моего Королемъ Лонгобардскимъ; то обяжемся мы торжественнымъ трактатомъ, учинить ему присягу отъ всей Италіи, платить ему дань ежегодную, какой онъ ни потребуетъ; и уважая только титулъ королевскій во внутренности Лонгобардіи, сынъ мой признавать себя будетъ за его Намѣстника и Вассала. Естьли Императоръ согласится на сей умыселъ, то Конрадъ, король бургундіи Трансъ-уранскія, готовъ соединиться съ нами, и выдать за сына моего Принцессу Адѣлеиду, свою племянницу; Албертъ ее обожаетъ, Конрадъ хочетъ чтобъ была за королемъ; и какъ сія любовь согла-

согласуется съ моею славою, и любочестїемъ, то я утверждаю оную, и не хочу ничего жалѣть, дабы здѣлать его счастливымъ.

Весь сей разговоръ ввергнулъ млада́го Принца Нѣмецкаго въ такую нетерпѣливость, которую онъ съ крайнимъ трудомъ воздержать могъ; но сїи послѣднїя слова̀ такъ его смутили, не могши уразумѣть тому причины, что не могши овладѣть своею досадою: праведное Небо! вскричалъ онъ, возможноли, чтобъ Принцы, коихъ Лотарїй признаетъ за твердѣйшихъ подпоръ своего престола, были удобны соорудить толь подлые умыслы. Берангеръ, ли мнѣ это говоритъ, Албертъ ли это, коего Король горячо любитъ, и удостоиваетъ всея своея милости; они ли прибѣгаютъ ко мнѣ, дабы услужить имъ въ семъ гнусномъ предпрїятїи. Признаюсь вамъ, примолвилъ онъ, посмотрѣвъ на обѣихъ съ удивившею ихъ гордеинвостїю; я бы никогда не думалъ, чтобъ обратили вы очи на меня, дабы привлечь Императора въ сїе дѣло, я ласкалъ себя, что дѣло клонилось только къ тому, чтобъ

употребить благоразумїе его совѣтовъ у Лотарїя, для вспоможенїя народамъ Лонгобардскимъ; но на конецъ, когда надобно соотвѣтствовать вашей довѣренности, то знайте, что Императоръ не столько полагаетъ славу свою въ разпространенїи своихъ завоеванїй, сколько въ наблюденїи правосудїя и истинны; будучи удаленъ отъ того, чтобъ воспользоваться вашимъ возмущенїемъ, дабы лишить престола Лотарїя, выставитъ онъ всѣ свои войски, дабы его утверждать, и испровергнуть ваши замыслы, и естьли бы было онъ удобенъ, имѣть другїя мысли, то бы я первый потщился возбуждать оныя въ душѣ его. Пусть Албертъ ищетъ другихъ способовъ, дабы жениться на Адѣлеидѣ, и вступите обое въ вашу должность, естьли хотите, чтобъ я былъ вашимъ другомъ.

Послѣ сихъ словъ поклонясь имъ съ холодностїю, и не ожидая отъ нихъ отвѣта удалился, оставя ихъ во удивленїи смѣшенномъ съ досадою и замѣшательствомъ, которое не дозволило имъ противоборствовать его отшествїю. Между

тѣмъ

тѣмъ вышедъ изъ своего удивленія, и разсудя, что естьли Лотарій о томъ будетъ увѣдомленъ, то повелитъ ихъ неукоснително задержать; приняли они намѣреніе, оставить Павію въ тужъ самую минуту; Беренгеръ хотѣлъ ретироваться въ свои укрѣпленныя мѣста, а Албертъ ѣхать ко двору Короля Бургундскаго. Сіе намѣреніе лишь только было принято, какъ и произведено въ дѣйство, и все прилѣжное стараніе Оттоново, чтобъ открыть ихъ глазамъ Лотаріевымъ, не могло предварить ихъ побѣга.

Въ самой вещи сей принцъ предвидя опасныя слѣдствіи трактата, которой Албертъ и Беренгеръ могли учинить съ Конрадомъ, и желая положить непреоборимую оному препону, вознамѣрился не только увѣдомить Короля Лонгобардскаго о чинимомъ противъ него заговорѣ, но и облегчить ему способы къ заключенію союза съ Королемъ Бургундскимъ, побудивъ его свататься за себя Адѣлеиду, будучи увѣренъ, что сей Государь не обинуясь предпочтетъ бунтующимъ подданнымъ, коихъ власть зависитъ отъ слу-

чайнаго битвѣ жребія монарха утвержденнаго на престолѣ законами божественными и человѣческими. Въ сихъ мысляхъ пошелъ въ чертоги къ Лотарію, который освободившись отъ важныхъ дѣлъ своихъ, повелѣвалъ искать Графа Нирембергскаго въ тотъ самый мигъ, какъ увидѣлъ его появившагося.

Король Лонгобардскій поступая съ нимъ всегда по достоинству, какому въ немъ быть чаялъ, оказалъ ему тьму дружелюбій, и предлагалъ ему различныя забавы къ препровожденію остатка сего дня; но Оттонъ преисполненный своими мыслями, отвелъ его отъ придворныхъ, и не могши такъ себя принудить, чтобъ не оказать нѣкоего безпокойства: не о томъ рѣчь, Государь, сказалъ ему, чтобъ искать увеселеній, дѣла̀ гораздо важнѣйшія принуждаютъ меня просить тебя, войти въ твой кабинетъ, и дать мнѣ свободу поговорить съ тобою безъ свидѣтелей. Сіи слова̀ и видъ, съ коимъ произнесены были, не дозволили Лотарію сомнѣваться, чтобъ не заключали онѣ въ себѣ чего нибудь чрезвычайнаго; онъ не отвѣчалъ

чалъ на оныя ничего, но провелъ его въ свой кабинетъ, куда вошедъ, просилъ мнимаго Графа Ниремберскаго, сказать ему, имъ желаемое.

Оттонъ не обинуясь открылъ ему все произшедшее между Принцемъ Италїанскимъ и имъ, съ прїѣзда его къ сему двору, подозрѣнїи воспрїятыя имъ противъ отца и его сына, и поступку употребляемую имъ, дабы принудить ихъ ему ввѣриться. Окончалъ свой доносъ тѣмъ разговоромъ, который имѣлъ съ ними, и объявленїемъ заговора ими сооруженнаго въ надеждѣ, что употребитъ онъ милость Императорову, для вовлеченїя ево во оный: Помысли, государь, продолжалъ онъ, что Берангеръ не отважился бы учинить меня своимъ повѣреннымъ, есть ли бы не обнадежилъ своего проекта съ стороны Короля Бургундскаго, и другихъ Принцевъ, кои бы могли его испровергнуть; предложенїи учиненныя имъ Цесарю, не имѣютъ инаго намѣренїя, какъ только, что бы воспрепятствовать ему, принять твою сторону, или воспользоваться нестроенїями Лонгобардскими, дабы

овладѣть симъ королевствомъ превосходствомъ своея силы; и требуя у Генриха покровительства и войскъ въ случаѣ нужды, намѣренiе его состоитъ въ томъ, что бы презирать первое, и отослать назадъ послѣднiя, по употребленiи оныхъ къ твоему низверженiю, и къ завоеванiю всея Италiи. Онъ також де не сомнѣвается, чтобъ Конрадъ не вспомоществовалъ ему всѣми силами, и не выдалъ племянницы своей за Принца Алберта, дабы соединить титулъ союзника съ требованiями, кои думаетъ имѣть на Лонгобардiю коей обладанiя жадничаетъ онъ, какъ не безъизвѣстно, съ самаго того времени, какъ кончина Рудольфа его брата, и отца Адѣлеидина, оставила его обладателемъ Бургундiи, и судьбы сея Принцессы. И такъ отъ твоего зависитъ благоразумiя, сыскать средство къ истребленiю готовящагося зла, либо захвативъ Берангера и его сына, либо предупредивъ ихъ заключенiемъ союза съ Конрадомъ. Что касается до Императора, то хочу тебя обнадежить Императорскимъ его словомъ, что непрiятели твои будутъ и его враги,

враги, и что Принцъ Оттонъ придетъ самъ съ арміею своего родителя для твоей обороны, и какую бы выгоду ему ни предлагали, только откажется онъ отъ всѣхъ, дабы имѣть только ту, чтобъ быть твоимъ другомъ.

Великодушный Оттонъ произнесъ сіи слова съ величествомъ, поразившимъ Лотарія; онъ чаялъ распознать въ немъ видъ высочайшаго достоинства отличающаго толь совершенно государя отъ подданнаго. Мнимый графъ Ниремберскій показался ему со всѣмъ инымъ въ сію минуту, и не столько чудясь честолюбивымъ замысламъ Алберта, сколько великодушной поступкѣ Графовой, и увѣренію поданному имъ о словѣ своего государя; разсуждалъ онъ, что либо думаетъ онъ надмѣру о той милости, коею почтенъ онъ отъ Императора, либо самъ онъ гораздо выше того, къ ѣмъ желалъ являться. Объятый сею мысліе: признаюсь тебѣ, сказалъ ему, что сердце мое стократно больше чувствуетъ чинимое тобою мнѣ обѣщаніе, нежели измѣну Берангерову; и сколь ни велики ихъ стараніи,

однако

однако не возможно мнѣ ихъ боятъся, есть ли то правда, что непобѣдимый Оттонъ за меня вступается. Но Графъ, примолвилъ онъ, сколь ни велика власть твоя надъ сердцемъ Императора и Принца его сына, однако не поставь себѣ за обиду, есть ли усомнюсь я повѣрить, чтобъ упустили они толь благопріятный случай къ покоренію всея Италіи: сія великодушная безкорыстность не сообразуется съ политикою Государей, и есть ли не подашь ты мнѣ сильнѣйшихъ тому опытовъ, то предвижу, что надобно мнѣ приготовляться выдерживать войну внутрь и внѣ моихъ областей: чувствую, что оказываешь ты мнѣ въ сей день такую услугу, которая должна побудить меня разсуждать и о тѣхъ, кои можешь ты мнѣ оказать впредь, что отъ тебя только зависѣло вступить въ интересы Алберта и Берангера, и что ты жертвуешь пользою своего государя моей собственной. Но что я здѣлалъ, Графъ, дабы заслужить таковое усердіе? И хотя кажется, что стараешься ты разрушить намѣренія моихъ супостатовъ, увѣ-

домляя меня объ оныхъ, однако, не могу ли я думать, что имѣешь ты тайныя предпріятіи побуждающія тебя поступать такимъ образомъ. Какъ могу я себя увѣрить, что Графъ Нирембергскій, наивѣрнѣйшій подданный Императора Генриха, и Принца Оттона, другъ ихъ, и любимецъ обладающій всею ихъ довѣренностію, не имѣя другія пользы, кромѣ моея, увѣдомляетъ меня о заговорѣ, коего успѣхъ умножилъ бы власть ево государя, естьли бы восхотѣлъ онъ ему благоспѣшествовать? Ахъ! примолвилъ онъ, посмотрѣвъ на него пристально, естьли не хочешь ты, чтобъ подозрѣніи мои помрачили славу Графа Нирембергскаго, то здѣлай, чтобъ я лучше ево узналъ.

Оттонъ возчувствовалъ всю силу сего разсужденія; онъ увидѣлъ, что Король Лонгобардскій проникаетъ нѣкоторымъ образомъ тайну его сокровенности, и утомясь притворствомъ толь противнымъ его нраву вознамѣрился немѣдленно положить оному конецъ, но не преминувъ того, что обѣщалъ онъ Императору своему родителю. И такъ чтобъ, согла-

сить должность съ природнымъ своимъ чистосердечіемъ, началъ онъ говорить; и показавъ въ глазахъ своихъ часть происходящаго въ сердцѣ: это правда, отвѣчалъ ему усмѣхнувшись, что въ разсужденіи политики, поступокъ мой долженъ показаться чрезвычайнымъ, но по законамъ чести и дружества, не имѣетъ онъ ничего во удивленіе тебя привесть могущаго. Подозрѣніи твои меня не оскорбляютъ, и я не стараясь болѣе изъясниться, довольствуюсь извѣстить тебя, Государь, что я не инако говорю тебѣ, какъ по повелѣнію Императора и Принца его сына, что сей послѣдній имѣетъ къ тебѣ отмѣнное почтеніе, и въ доказательство онаго, готовъ я разрушить всѣ проекты Князей Италіанскихъ, отправившись ко двору Короля бургундскаго, для утвержденія союза его съ тобою, побудивъ его уразумѣть, что стократно для него прибыточнѣе будетъ, выдать за тебя Адѣлеиду, и утвердить Корону на главѣ твоей, нежели способствовать шайкѣ бунтовщиковъ, коихъ жребій единственно долженъ зависѣть отъ своенравія фортуны,

и

и оружія, коего успѣхъ долженъ быть тѣмъ сомнительнѣе, что Императоръ нападетъ на нихъ со всѣми своими силами. Вотъ, государь, продолжалъ онъ, какимъ образомъ хочу я тебя увѣрить, что Графъ Нирембергскій поступаетъ здѣсь не инако какъ бы зделалъ и самъ Оттонъ; и что есть случаи, въ кои Принцы ему подобные умѣютъ отметать собственные свои прибытки, для наблюдечія правды и правосудія. Сіи слова̀ съ жаромъ произнесенныя, открыли совершенно глаза̀ Королю Лонгобардскому; онъ не сомнѣвался болѣе, чтобъ не самаго Оттона имѣлъ при своемъ дворѣ; но будучи съ природы подозрѣвающъ, и не понимая, чтобъ толь великодушный поступокъ не имѣлъ сокровеннаго намѣренія, вознамѣрился ожидать произшествія сего великаго дѣла, дабы признаться ему, что проникнулъ онъ ево тайну, а между тѣмъ возпользоваться его предложеніемъ и совѣтами. притворяясь всегда, что тому вѣрилъ, чемъ онъ хотѣлъ казаться, а принуждалъ его исполнить ему предложенное, дабы его удалить, и раз-

суждать по поступкѣ его при дворѣ Конрадовомъ, о довѣренности, которую долженствовалъ онъ имѣть ко словамъ ево.

Дабы начать производить притворство сїе въ дѣйство, употреблялъ онъ наисильнѣйшїя выраженїи, и слова наиубѣдительнѣйшїя, дабы оказать ему свою благодарность, и сколь много чувствовалъ онъ почтенїе Оттоново. Потомъ прося ево объявить свой совѣтъ, какимъ образомъ поступить ему съ Беренгеромъ, положили на мѣрѣ, чтобъ не могши арестовать отца и ево сына, не возбудивъ опаснаго возмущенїя, Лотарїй притворялся, будто не знаетъ ихъ намѣренїй, пока не будетъ увѣдомленъ о предпрїятїяхъ Короля бургундскаго, къ коему хотѣлъ отправить посла, дабы свататься у него за Принцессу Адѣлеиду; Графъ Ниремберґскїи желалъ самъ ѣхать первый къ сему двору, и привесть дѣла въ такое состоянїе, дабы Конрадъ по прибытїи посла, былъ со всѣмъ готовъ къ сему союзу, а въ сїе время Лотарїй собралъ бы, сколько можно, войска, чтобъ содержану быть въ почтенїи отъ

отъ Князей Италїянскихъ; а Графъ Ниремберскїй съ своей стороны отправилъ бы Гонцевъ къ Императору, дабы извѣстить его о происходящемъ, и побудить его прислать къ нему помощь.

Сїе было положено на мѣрѣ въ семъ совѣтѣ кончившемся многими изъявленїями дружества съ обѣихъ сторонъ, не открывая другъ другу совершенно своихъ мыслей; но между тѣмъ проницая оныя довольно, чтобъ не имѣть нужды въ вящшемъ изъясненїи, Оттонъ удалился, дабы сообщить сїе обстоятельство Императору, и просилъ его отправить войска къ Италїи, назначивъ ему мѣсто, гдѣ съ нимъ соединиться, Ласкающая мысль, подать свѣту опытъ безкорыстности и великодушїя, толь сильно упражняла сего Принца, что казалось, будто позабылъ онъ произшествїе съ портретомъ; но по удовлетворенїи того, чемъ думалъ быть долженъ дружеству къ Лотарїю, и увидѣвъ себя въ готовности оставить Павїю, прекрасная пастушка представилась его воображенїю силняе прежняго; и какъ необходимость оставить Италїю,

лїю, не имѣвъ времени ее узнать, умножила его желанїе, то думалъ, что для лучшаго о томъ свѣденїя, можно ему оное ввѣрить Королю Лонгобардскому въ надѣянїи, что есть ли бы сїя удивительная Красавица была знатнаго рода, и одѣянїе ея притворное, то бы непремѣнно былъ онъ о томъ извѣщенъ, и могъ бы облегчить ему способы ее видѣть.

Онъ утвердился еще болѣе въ сей мысли, зная, что Лотарїй прилѣпился за нѣсколько мѣсяцовъ къ одной двора своего дамѣ, и сїя страсть была еще толь нова, что не могъ онъ опасаться, дабы былъ онъ или здѣлался его солюбовникомъ. И такъ не колебался въ томъ, и въ тотъ же день, уговоривъ Монарха съ однимъ собою прогуливаться, разсказалъ ему свое приключенїе, открылъ ему смятенїе своея души; и показавъ ему портретъ, молилъ его сказать, не знаемъ ли имъ подлинникъ онаго. Король Лонгобардскїй лишъ только кинулъ взоръ на сїю живопись, какъ позналъ по оной младую Адѣиледу, Принцессу бургундскую, коей видѣлъ

дѣлъ уже многіе портреты; но по странному дѣйствію власти любовной сей государь нечувствовавшій ничего къ Адѣлеидѣ, и коего Оттонъ незнавшій ее съ великимъ трудомъ побудилъ за нее свататься возбужденъ будучи учиненнымъ ему признаніемъ родившейся въ немъ страсти, и терзаемъ ревнивостію, коей обуздать не могъ, здѣлался тогда наиопаснѣйшимъ изъ его солюбовниковъ; и разсудя въ минуту, что крайне было важно воспрепятствовать, дабы онъ ее не увидѣлъ, отвѣчалъ ему съ холодностію, разсматривая притворно портретъ, что онъ не имѣетъ ни малаго свѣденія о той, кою онъ представляетъ, и не сомнѣвается, чтобъ то не была выдумка живописца; и совѣтуетъ ему восторжествовать наискоряе надъ страстію, немогущею ему промыслить ничего кромѣ безплодныхъ терзаній; и перемѣнивъ рѣчь о настоящихъ дѣлахъ увѣдомилъ его о повелѣніяхъ данныхъ имъ о собраніи своихъ войскъ, объявилъ ему, что Беренгеръ ретировался въ укрѣпленное мѣсто, и не знаютъ, куда Принцъ Албертъ направилъ

стопы свои. Потомъ изъявилъ притворно совершенную довѣренность къ его дружеству, сказавъ ему, что разсудя о всемъ томъ, что сказывалъ онъ ему о Цесарѣ и о Принцѣ Оттонѣ, не думаетъ, чтобъ нужно ему было ѣхать ко двору Конрадову, и что естьли хочетъ онъ ему оказать знаменитѣйшую услугу, то чтобъ возвратился въ Нѣмецкую землю, и принуждалъ своего Государя прислать къ нему войска, что лучше онъ доведетъ его до того словесно нежели чрезъ гонцевъ тѣмъ наипаче, что снабдитъ онъ его трактатомъ союза съ Императоромъ, какого онъ пожелаетъ, и подпишетъ оной; что во время его поѣздки пошлетъ онъ посла въ Бургундїю, дабы свататься за Адѣлеиду, и сїе сватовство подкрѣпляемое походомъ Императорскихъ войскъ докажетъ Конраду согласїе его съ Цесаремъ, и возъимѣетъ скорѣйшее дѣйствїе, нежели все, что онъ ему сказать можетъ; и что на конецъ проситъ онъ его ѣхать прямо въ Нѣмецкую землю, не остонавливаясь при дворѣ Бургундскомъ, что онъ имѣетъ довольно времени предупредить

дупредить соединившихся противЪ него Князей, зная, что оные здѢлаютЪ великія затрудненія берангеру, и приведутЪ его вЪ несостояніе, предпріять что нибудь вЪ скорости.

Какое ни употребилЪ Лотарій стараніе, чтобЪ показать видЪ чистосердечія и непринужденія вЪ своихЪ словахЪ и поступкѢ, однако мнимый ГрафЪ Нирембергскій разсматривалЪ его сЪ таковымЪ вниманіемЪ, что не могЪ обмануться, и подозрѣвая быть любви, не сомнѢвался, чтобЪ МонархЪ не зналЪ подлинника сего портрета, и не принималЪ вЪ немЪ потаеннаго участія, и вообразивЪ себѢ, что хочетЪ его единственно отвратить отЪ путешествія кЪ Конраду, дабы не заключать брака сЪ АдѢлеидою, и соблюсти себя на престолѢ Лонгобардскомъ помощію Императора, не заключая союза сЪ КоролемЪ бургундскимЪ; и что имѢетЪ онЪ можетЪ быть намѢреніе жениться на незнакомицѢ, предпріялЪ онЪ не упускать ничего, дабы испровергнуть умыселЪ столь противный славѢ Лотаріевой, сколь страсти его бѢдствен-

ственный; и будучи увѣренъ, что та, которая была предмѣтомъ оныя, появится глазамъ его, сколь скоро сей государь сопряжется союзомъ брака, утвердился въ намѣреніи, ѣхать въ Віенну въ Дофинѣ, гдѣ тогда Конрадъ имѣлъ дворъ свой, дать тамъ о себѣ знать, и говорить толь усильно за Лотарія, чтобъ не можно было отказать ему Принцессы. Между тѣмъ подражая его притворству, сказалъ сему государю; я увѣренъ, что мое присутствіе побудитъ Конрада согласиться на все съ твоимъ посломъ, а въ прочемъ не могу обойтись, чтобъ не отправиться въ сей путь; ибо наложено на меня другое дѣлъ произведеніе отъ Цесаря, которое не менѣе сего важно; но сіе не воспрепятствуетъ Императорскимъ войскамъ приближиться ко мнѣ на помощь, и Принцъ Оттонъ будетъ самъ ими командовать; повторяю тебѣ въ томъ данное мною слово; и ты въ скорости узнаешь, что оно ненарушимо, прошу только въ награжденіе за услуги, кои тебѣ оказать желаю, обѣщать мнѣ, разрушить всѣ обязательства, кои

тобою

тобою можетЪ быть заключены, дабы вручить совершенно сердце твое ПринцессѢ бургундской. Сія клятва толь изрядно согласовалась сЪ потаенными склонностьми Монарха, что не колебаясь могЪ онЪ учинить оную; но боясь совмѢстника столь же страшнаго прелестьми своея особы, сколь качествами своея души, и величествомЪ породы: клянусь, сказалЪ ему, всѢмЪ, что Короли имѢютЪ освященнѢйшаго, что буду полагать все мое благоденствіе во обладаніи АдѢлеидою, но, Государь, прибавилЪ онЪ устремивЪ на него глаза, кто обнадежитЪ меня, что Цесарь самЪ обЪ ней не подумаетЪ для принца Оттона, и что ты не позабудешь всѢхЪ твоихЪ обѢщаній, когда увидишь племянницу Конрадову?

Естьли бы ПринцЪ ОттонЪ, отвѢчалЪ онЪ ему, имѢлЪ намѢреніи жениться на АдѢлеидѢ, то бы не мѢдлилЪ онЪ толь долго обЪявить оныя, и это почитаю я за собственную свою обиду, чтобЪ признавать меня удобнымЪ ко вступленію вЪ таковый умыселЪ. ВсѢ прелести, коими Принцесса бургундская

ская можетъ быть украшена, не принудятъ никогда Оттона нарушить свое слово, и смѣю тебя обнадежить, что не имѣетъ онъ инаго желанїя, какъ видѣть тебя ея супругомъ. Лотарїй казался быть доволенъ симъ обѣщанїемъ; но дѣлалъ еще нѣкоторыя покушенїя, дабы побудить его ѣхать въ Нѣмецкую землю, утверждая оныя толь убѣдительными причинами, что младый Принцъ не могъ ихъ охуждать, хотя и не здался на оныя. Между тѣмъ не щадилъ онъ ни трудовъ ни безпокойствъ въ остальное пребыванїе въ Павїи, дабы открыть подлинникъ того портрета, а Лотарїй съ своей стороны употреблялъ всѣ политическїя хитрости, дабы умѣдлить его отшествїемъ, и имѣть время отправить тайно посла къ Королю бургундскому, который бы могъ заключить съ нимъ союзъ безъ помощи другаго, и увѣдомить его, что Принцъ Оттонъ подъ именемъ Графа Ниремберскаго поѣдетъ къ его двору; что онъ вояжируетъ такимъ образомъ по всѣмъ дворамъ европейскимъ, дабы узнать оныхъ силы и намѣренїи: что не свѣдомы тѣ,

кои онъ имѣетъ, но надобно догадываться, что оныя суть великія важности, и что онъ совѣтуетъ слѣдовать его примѣру, притворяясь будто его не знаетъ, и не принимать его инако какъ любимца Императорскаго; что подъ симъ наружнымъ видомъ заключилъ онъ съ симъ Принцемъ оборонительный союзъ противу всякаго, кто дерзнетъ оспоривать ему корону Лонгобардскую, и какъ сей союзъ удостовѣряетъ его во обладаніи оныя, то не можетъ онъ лучше увеличить сіянія оной, какъ раздѣливъ ее съ Принцессою Адѣлеидою его племянницею, которую испрашиваетъ у него себѣ въ супружество, ожидая только рѣшимости, дабы отправить къ нему торжественное посольство.

Тайный Министръ Лотаріевъ исправилъ свою комисію съ крайнею поспѣшностію, и умѣлъ толь изрядно склонить Короля Бургундскаго, что извлекъ отъ него обѣщаніе, выдать Адѣлеиду за Короля его государя, какъ скоро удостовѣренъ будетъ, что Цесарь благопоспѣшествуетъ сему союзу, и Принцъ Оттонъ подастъ

дастъ тому опыты, хотя дастъ онъ о себѣ знать, хотя поступать будетъ подъ именемъ Графа Нирембергскаго. Какъ сей отвѣтъ показалъ Лотарїю невозможность удерживать долѣе Принца, то пересталъ онъ полагать болѣе препоны его отшествїю, и далъ ему свободу въ путь отправиться. Когда заключилъ онъ трактатъ по формѣ, по коему Цесарь обязался утверждать Лотарїя на престолѣ Лонгобардскомъ, противу полагая всѣ свои силы его непрїятелямъ, и подкрѣплять сильнѣйшимъ предстательствомъ сватовство его за Принцессу Адѣлеиду, племянницу Конрадову, о обладанїи которыя обѣщалъ никогда не думать въ разсужденїи Принца Оттона своего сына, какая бы ни произошла ему отъ того выгода. Остатокъ трактата состоялъ во многихъ артикулахъ связующихъ дружествомъ Лотарїя съ Цесаремъ, коему отдаетъ онъ всю Италїю для него и его потомковъ въ такомъ случаѣ, естьли умретъ онъ безъ мужеска полу наслѣдниковъ.

Несчастный Оттонъ думая, что чемъ болѣе обязуетъ онъ Лотарїя

съ

съ Принцессою бургундскою, тѣмъ скоряе приближается къ минутѣ довлѣющей показать ему незнакомицу, коей всѣ искании были безплодны, спѣшилъ подписать сей бѣдственный трактатъ именемъ Императора и Принца Нѣмецкаго, обѣщая послать оный къ Цесарю для ратификацiи, и получить обратно чрезъ три мѣсяца, а потомъ отправился въ Дофине. Хотя любовь его часто причиняла ему печальныя размышленiи, однако слава, первенствующiй предмѣтъ его желанiй, такъ оныя превозмогала, что думалъ, будто портретъ незнакомицы обольстилъ его только на минуту, и что любопытство имѣло болѣе участiя нежели любовь въ терзавшихъ его движенiяхъ: онъ ужѐ находилъ нѣкоторый родъ стыдливости въ томъ, чтобы желать побѣды надъ такимъ сердцемъ, коимъ обладалъ другой; и будучи увѣренъ, что Лотарiй скрывалъ подъ видомъ явныя страсти потаенный жаръ къ незнакомицѣ; что портретъ принадлежалъ ему, и что не возможно ему быть нелюбиму. вознамѣрился позабыть совсѣмъ свое приклю-

приключенїе, и возвратиться въ Нѣмецкую землю столь же свободнымъ, каковъ выѣхалъ изъ оной: и дабы начать о томъ болѣе не думать, положилъ онъ сїю живопись въ ящичекъ наполненный каменьями, дабы не имѣвъ оной болѣе при себѣ, не могъ онъ на нее обращать свои взоры.

Въ сихъ мысляхъ прибылъ онъ въ одну деревню отстоящую на нѣсколько миль отъ Вїенны, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, дабы дать отдохнуть своимъ людямъ. Какъ Дофине есть одна изъ прекраснѣйшихъ земель въ свѣтѣ и наполнена прїятностьми, то Оттонъ желая разсмотрѣть оныя обстоятельно, сѣлъ на лошадь однимъ утромъ въ провожанїи Графа Д' Алоста своего конюшаго, съ коимъ въѣхалъ онъ въ лѣсъ, который своею высотою, густотою, и обширностїю могъ носить на себѣ имя рощицы. Не успѣлъ онъ во оный вступить, какъ услышалъ звукъ разныхъ охотничьихъ инструментовъ, побудившихъ его думать, что нѣкто изъ знатныхъ забавляется ловитвою. Потаенное нѣкое движенїе побудило его

его направить коня своего къ той сторонѣ, гдѣ охотники казались гнаться за какимъ нибудь звѣремъ. Не успѣлъ онъ здѣлать ста шаговъ, какъ увидѣлъ ѣдущаго къ нему во всю прыть охотника, казавшагося бѣгущимъ отъ великой опасности. Когда бы скорость лошади, и блѣдность всадника не побудили ево разсудить о угрожаемой ему опасности, то бы ужасныя величины кабанъ по слѣдамъ его бѣгущїй, довольно его о томъ извѣстилъ. Сей звѣрь былъ раненъ, и какъ взоръ крови привелъ его въ бѣшенство, то готовился онъ отмстить за пущенную въ него стрѣлу, есть ли бы неустрашимый Оттонъ не побудилъ его перемѣнить предмѣта, представъ предъ него съ обнаженною въ рукѣ саблею. Кабанъ испустивъ яростный крикъ, собралъ всѣ свои силы противъ сего новаго непрїятеля, и сей лютый звѣрь оскалилъ ужѐ на него страшные свои клыки, какъ онъ однимъ замахомъ своея сабли, повергъ его мертва къ ногамъ коня своего.

При сей неожидаемой помощи бѣгущїй кавалеръ, остановился, и не

не будучи почти силенъ держаться на лошадѣ прикликалъ конюшаго Принцева, дабы вспомоществовать ему сойти на землю. Онъ былъ въ семъ упражненіи, какъ Оттонъ къ нимъ подъѣхалъ, и примѣтя, что тотъ, коего почелъ онъ за кавалера, была женщина одѣтая Амазонкою, соскочилъ съ торопостію съ лошади, и приближился для оказанія ей той услуги, коей ожидала она отъ конюшаго; но что сталося съ нимъ узнавъ по чертамъ сея прекрасныя охотницы ту пастушку, коей не могъ изтребить изъ ума своего! Удивленіе его было бы безъ сомнѣнія явно, естьли бы радость его не была умѣрена новою опасностію сея несравненныя особы, которая будучи обладаема вдругъ многими движеніями, упала въ обморокѣ почти въ объятіи Оттоновы.

Не возможно изобразить происходившаго въ сію минуту въ сердцѣ его: смятеніе онаго было толь велико, что не примѣтилъ онъ своея раны, и изтекающей изъ него крови. Единственно будучи объятъ удовольствіемъ, доставленнымъ ему отъ незапнаго случая, и страхомъ, что

бы

бы не потерять предмѣта онаго, поставилъ онъ ее потихоньку подъ дерево, и совокупно съ своимъ конюшимъ, старался возвратить ей чувства, какъ потерялъ свои собственныя, и упалъ возлѣ ней безъ памяти. Графъ д' Алостъ жестоко опечаленный симъ зрѣлищемъ кликалъ о помощи со всѣхъ сторонъ, какъ увидѣлъ прибывшую толпу охотниковъ и охотницъ, кои казались не менѣе ево терзаемыми страхомъ и печалїю. Онъ съ торопливостїю приближился къ нимъ, и увѣдомилъ ихъ о произшедшемъ, и что Графу Нирембергскому должны онѣ были жизнїю сея госпожи. Мущины и женщины старались имъ помо́чь, и возвратили имъ на конецъ чувства. Онѣ казались обое равно смущенными отъ состоянїя, въ кое слабость ихъ повергла, и влюбленный Оттонъ готовился въ томъ извиняться предъ прекрасною Амазонкою, какъ она пресѣкши рѣчь его съ видомъ безпокойнымъ: Дозволь, государь, сказала ему, чтобъ я не слушала ничего, пока не удостовѣрятъ меня о изцѣленїи моего избавителя; кровь, коею ты покрытъ,

причиняетъ мнѣ еще болѣе ужаса, нежели опасность, отъ коей ты меня освободилъ. Она произнесла сіи слова съ такою пріятностію, что совершенно оковала Принца; и не могши вознамѣриться окончать толь пріятный разговоръ, употребилъ онъ все свое велерѣчіе, дабы ее увѣрить, что онъ ничего не опасается о своей жизни, потому что она желаетъ принимать въ ней участіе; но она толь усильно просила его допустить себя перевязать немѣдленно, что онъ былъ принужденъ послушаться, и сія прекрасная охотница удалилась съ другими Дамами, дабы оставить его на свободѣ. Кавалеры его окружили, и исправляли одинъ передъ другимъ должность лѣкаря, дабы привесть его въ состояніе перенесену быть безъ опасности.

Между тѣмъ, какъ старались удержать кровь его, прекрасная Адѣлеида [ибо это была сама она] узнавъ о имени своего избавителя, приказала всему своему двору не давать о ней знать Графу, для избѣжанія несноснаго церемоніала, и сказать, что она Принцесса Астерія,

рія, дочь Графини Монмеліанъ, любимицы Принцессы бургундскія, дабы могла она представить ему свои чертоги съ тѣмъ большею свободою. Какъ была она обожаема всѣми своими подданными, и главнѣйшее ихъ стараніе состояло въ томъ, чтобы ей угодить, то наиточнѣйше они въ томъ ей повиновались. Графиня Монмеліанъ, воспитавшая ее, и обладавшая всею ея довѣренностію, вступила тѣмъ охотнѣе въ сію тайность, что младая Принцесса ей говаривала, будто Король ея дядя ожидаетъ Принца оттона, долженствующаго прибыть ко двору его подъ именемъ Графа Ниремберг- скаго, и будто она себя ласкаетъ, что сей наслѣдникъ Нѣмецкія Имперіи не можетъ увидѣть Адѣлеиды, не отдавъ ей своего сердца, и не здѣлавъ ее Императрицею.

Младая Принцесса, коей Конрадъ открылъ только имя Оттоново, не увѣдомя ее о томъ, что касалося до Лотарія, сама тѣмъ себя ласкала; и съ того времени, какъ Король ея дядя извѣстилъ ее о сей тайнѣ, толь сильно она навѣдывалась отъ странствовавшихъ

вельможъ своего двора, о особѣ Оттоновой, о его разумѣ и нравѣ. что высокое почитанiе овладѣло ея сердцемъ; и она такъ запечатлѣла во умѣ своемъ всѣ черты сего Принца по учиненному о немъ объявленiю, что подавая ему руку, дабы сойти съ лошади, не сомнѣвалась, чтобъ то не былъ онъ самъ. Потаенное порадованiе отъ того ею почувствованное, смѣшавшись съ ужасомъ причиненнымъ ей отъ кабана, и отъ воззрѣнiя на кровь его побѣдителя, въ такое привело ее движенiе, что отъ того она занемогла; но пришедъ совершенно въ себя, старалась только о здоровьѣ Принцевомъ, и о удовольствiи видѣть, какое произведутъ дѣйствiе ея прелести подъ именемъ такой особы, коей состоянiе ея прямому гораздо уступало.

Лишъ только отдала она свои повелѣнiи, дабы удостовѣрить сiю тайну, какъ увидѣла мнимаго Графа Нирембергскаго къ ней идущаго, ведомаго двумя вельможами ея двора. Графиня послѣдуя намѣренiю Принцессину, вышла къ нему нѣсколько шаговъ на встрѣчу, и поклонясь

лонясь ему со всѣми знаками отмѣннаго почтенія: милостивый государь, сказала ему, я долженствую тебѣ жизнію моея дочери, и искренняя моя за то благодарность требуетъ того, чтобы возъимѣла я попеченіе о твоей. Не подалеку отъ сея рощи есть увеселительный домъ принадлежащій Принцессѣ Адѣлеидѣ, коей дружество къ Астеріи побуждаетъ ползоваться онымъ по своему соизволенію, дозволь, чтобъ мы тебя туда проводили, и нашимъ о тебѣ стараніемъ изъявили бы нашу благодарность во ожиданіи, пока Принцесса не окажетъ тебѣ за то своей: отсутствіе ея подаетъ намъ тамъ совершенную свободу, и ты крайнее причинишь неудовольствіе Астеріи, естьли откажешь мнѣ въ семъ угожденіи.

Оттонъ принималъ великое въ томъ участіе, чтобъ не разлучиться съ предмѣтомъ своего пламени, и для того принялъ безотговорочно учиненное ему предложеніе. Радуясь случаю толь любви его благопріятному, вознамѣрился онымъ воспользоваться, и посмотрѣвъ на Графи-

нюглазами, вЪ коихЪ видна была нѢкая часть сердечныхЪ его склонностей: располагай мою судьбину, сударыня, отвѢчалЪ ей; несвѢдомы мнѢ болѢе иные законы, кромѢ налагаемыхЪ наменя несравненною Астерїею, и до послѣдней минуты моея жизни за честь себѢ вмѢнять стану, что бы онымЪ повиноваться. Графиня и юная Прйнцесса отвѢчали насїи слова точїю новыми учтивостями; и какЪ колесница АдѢлеидина прибыла, то сѢли онѢ во оную, и хотѢли, чтобы и Оттон тамЪ сЪ ними занялЪ мѢсто. Отстоянїе лѢсу отЪ замка было не велико, однако довольно онаго было, дабы дать знать Принцу, НѢмецкому, что почитаемая имЪ за Астерїю была наисовершеннѢйшая особа вЪ свѢтѢ, а Принцесса бургундская уразумѢла, что ОттонЪ былЪ одинЪ ПринцЪ ея достойный. какЪ не усматривала она никаковыя препоны вЪ чувствуемой кЪ нему склонности, и была толь прозорлива, что не могла не примѢтить своея побѢды, то не упускала ничего того, что дозволяла ей благопристойность, дабы удостовѢрить себя во своей побѢдѢ; а ПринцЪ ОттонЪ сЪ своей

стороны

стороны не находившій, чтобы было великое различіе между дочерью Графа Монмеліана и имъ препятствовавшее предложить ей корону, не имѣлъ болѣе иныхъ мыслей, какъ раздѣлить свою съ нею. Съ таковыми обоюдными склонностьми трудно было, чтобы взоры ихъ не были иногда изтолкователями ихъ сердецъ, и чтобъ не узнали онѣ изъ оныхъ того, что почтеніе и стыдъ воспящали имъ другъ другу сказывать.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ сей нѣмый разговоръ подалъ имъ обоимъ сладчайшее упованіе, то прибыли они во дворецъ, будучи плѣнены другъ другомъ. Все было тамъ исполнено по желаніямъ Принцессы, и съ такимъ непринужденнымъ видомъ, что Оттонъ ни мало не подозрѣвалъ истинны. Первое стараніе Графинино состояло въ томъ, чтобы положить его въ постелю, гдѣ врачи Короля Бургундскаго приложили ему первый пластырь. Рана его была въ лядвѣѣ, и хотя довольно глубока, однако казалася важною единственно въ разсужденіи множества изтекшія крови; но оная не препятствовала ему

приказать Графу, д' Алосту своему Шталмейстеру отправить экипажъ ево въ Віенну, и тамъ ожидать возстановленія его здоровья.

Принцесса Адѣлеида съ своей стороны отправила гонца къ Королю, своему дядѣ, дабы увѣдомить его о прибытіи мнимаго Графа Нирембергскаго, о полученной ей отъ него услугѣ, бывъ отъ него незнаемой, и о хитрости ею употребленной, дабы быть въ состояніи изъявить ему свою благодарность, не давъ о себѣ знать, прося его весьма усильно, не давать ему о ней знать, пока не появится онъ при его дворѣ. Конрадъ, который бы охотно предпочелъ ожидаемаго наслѣдника Имперіи Королю Лонгобардскому, и сомнѣвался всегда въ надеждѣ подавамой ему симъ Монархомъ о помощи Императоровой, велѣлъ сказать Принцессѣ, что похваляетъ онъ ея поступку, и какъ Оттонъ хочетъ единственно казаться Графомъ Ниремберскимъ, то справедливо надлежитъ ей появиться въ глазахъ его какъ дочери Графини Монмеліанъ. Но увы! сколь сіи сокровенности въ послѣдствіи имъ дорого стоили, и

сколько

сколько имѣли онѣ причины раскаяваться, что не изъяснилися съ вящшею откровенностїю!

Какъ состоянїе, подъ коимъ Адѣлеида скрывала знаменитое свое произхожденїе, не требовало дальнихъ обрядовъ, и титулъ дочери Графининой благопоспѣшествовалъ ей слѣдовать ея примѣру, то дѣлила она съ нею принимаемыя объ Оттонѣ старанїи, и препровождала при немъ всѣ тѣ часы, кои хотѣла употребить на принесенїе своея благодарности, не дѣлая славу свою въ томъ сопричастницею. Нѣсколько дней прошло съ тѣмъ, что не дозволено было ему говорить; но когда всѣ были увѣрены о его безопасности, и Принцесса крайне его къ тому принуждавшая, дала ему свободу изъясниться, то здѣлалъ онъ сїе съ видомъ неподавшимъ ей ни малыя причины сомнѣваться, чтобъ не пылалъ онъ къ ней наисильнѣйшимъ жаромъ. Между тѣмъ желая знать, что думалъ онъ о ней, не зная ее, и чего онъ отъ нее можетъ надѣяться, какъ Графъ Нирембергскїй, въ одинъ день, когда Графиня и она однѣ съ нимъ нахо-

дились: сколь бы велико было мое счастїе, прекрасная Астерїя, сказалъ онъ Принцессѣ, естьлибы могъ заплатить короною за тѣ милости, коими ты меня почтила; и какою бы Принцъ Оттонъ долженъ мнѣ былъ благодарностїю, естьли бы доставилъ я ему обладанїе той, которую натура создала наисовершеннѣйшею.

Естьли ищешь ты толь великихъ награжденїй, государь, отвѣчала она покраснѣвъ, за старанїи, коихъ благодарность отъ насъ требуетъ, то каковы же должны быть тѣ, кои надлежитъ намъ здѣлать спасшему мнѣ жизнь? Я не думаю, продолжала она, что бы имя Астерїи было Оттономъ знаемо, и что бы по слуху пронесшемуся до него неосновательно, отказался онъ для ней отъ союза наивеличайшихъ Принцессъ въ свѣтѣ.

Правда, сударыня, отвѣчалъ онъ, что имя твое можетъ быть имъ незнаемо; но могу тебя обнадежить, что особа твоя ему извѣстна, и что по портрету, на коемъ изображена ты пастушкою, и который незапный случай доставилъ ему

въ

вЪ руки, возЪимѢлЪ онЪ кЪ тебѢ наисильнѢйшую и почтительнѢйшую страсть, каковыя сердце ево удобно; и отЪ тебя точїю зависѢть будетЪ, принявЪ его клятву, здѢлать его наисчастливѢйшимЪ человѢкомЪ вЪ свѢтѢ. Графиня разсудившая о смятенїи ПринцессиномЪ по ея безмолвїю, начала говорить: я бы никогда не думала, государь, сказала ему, что бы портретЪ АстерїинЪ возЪимѢлЪ толь знаменитый жребїй; тому ужѐ около года, какЪ Принцесса АдѢлеида выдумавЪ сельское празднество, была вЪ сей день одѢта пастушкою; и желала, что бы всѢ двора ея Дамы учинили тоже. Италїянскїй живописецЪ былЪ тогда тамЪ, и просилЪ у Короля позволенїя, списать вЪ семЪ одѢянїи Принцессу и дочь мою; онЪ на то согласился, и я узнала, что сей человѢкЪ будучи вЪ службѢ у Принца Алберта, бывшаго за нѢсколько времени при семЪ дворѢ, поступалЪ вЪ томЪ единственно по его повелѢнїю, и здѢлалЪ его обладателемЪ сихЪ портретовЪ.

ЖивописецЪ скрылся, АлбертЪ возвратился вЪ Лонгобардїю; и не смотря

смотря на мои жалобы и Принцессины, не могли мы получить обратно сея живописи, ниже узнать, куда она дѣвалася: но, государь, продолжала она, теперь буду я точїю хвалиться отважностїю сего живописца, естьли оная могла промыслить славу моей дочерѣ, понравиться великому Оттону. Молва довольно насъ извѣстила о рѣдкихъ добродѣтеляхъ сего Принца, и потому не должно намъ быть нечувствительнымъ къ той чести, коею ласкаешь ты насъ съ ево стороны; однакожъ, государь, сколь ни великую имѣю я власть надъ Астерїею, но рука ея не зависитъ отъ меня: я не могу дать оныя безъ дозволенїя Королевскаго, отъ него единаго надлежитъ ее получить, и я жестоко сомнѣваюсь, чтобы восхотѣлъ онъ возвысить дщерь мою на такїй престолъ, коимъ одна Адѣлеида обладать достойна.

Ахъ! сударыня, вскричалъ съ жаромъ Оттонъ, пусть точїю несравненная Астерїя согласится на благополучїе Принца Нѣмецкаго, а въ Конрадовомъ согласїи я уже удостовѣренъ; но, примолвилъ онъ воздохнувъ,

дохнувъ, я обозрѣваю изъ взоровъ ея холодность происходящую въ ея сердцѣ, и мой злощастный Принцъ... Глаза̀ мои худо изъясняются, государь, подхватила мнимая Астерія, естьли изъявляютъ они тебѣ холодность къ Оттону, я знаю все достоинство предлагаемаго мнѣ тобою сердца, и не колебалась бы подать желаемаго тобою согласія, естьли бы сему самому Принцу должна я была моею жизнію. Адѣлеида произнесла сіи слова̀ съ видомъ побудившимъ его подозрѣвать, что онъ ею знаемъ: онъ тайно тому радовался, и дабы въ томъ удостовѣриться, то посмотрѣвъ на нее со всею внушенною въ него любовію: что, сударыня, отвѣчалъ ей, не ужѐ ли буду я такъ щастливъ, что бы ты пожелала, дабы Графъ Нирембергскій здѣлался на минуту Принцемъ Оттономъ. Я сказала тебѣ, государь, отвѣчала она покраснѣвъ, все, что могу тебѣ объявить при настоящемъ обстоятельствѣ, а можетъ быть изъяснюсь подробнѣе, естьли увижу Оттона; покажи мнѣ ево, государь, то и всѣ склонности Астеріины будутъ тебѣ извѣстны.

Она вышла окончавъ сїи слова, и оставила Графиню Монмелїанъ съ нимъ, дабы совершенно открыть ему свою тайну.

Влюбленный Принцъ Нѣмецкїй не имѣлъ нужды объявить оное плодовитыми рѣчами; безмѣрная его радость узнавъ, что онъ любимъ, изъявила оное толь нѣжными восхищенїями, что Графиня извѣстилась о томъ довольно безъ помощи словъ. Она хотѣла оказать почтенїе должное наслѣднику Имперїи, но не могши терпѣть сихъ холодныхъ должностей, и не будучи въ намѣренїи дать о себѣ кому нибудь знать, прежде заключенїя трактата съ Конрадомъ, подъ именемъ Графа Нирембергскаго, просилъ онъ не перемѣнять съ нимъ поступки. Я, сударыня, сказалъ онъ ей, я долженъ почтенїемъ матери обожаемыя мною Астерїи, и хочу принять на себя достоинство и имя Оттоново единственно, что бы ее увѣнчать. Причины, коихъ не могу никому открыть, опричь Короля Бургундскаго, принуждаютъ меня къ сей тайности; я поѣду упрашивать его окончать дѣло, меня ко двору его

его привлекшее; и когда исполню должности, къ коимъ честь меня обязуетъ, то стану молить его, что бы выдать за меня Астерію. Императоръ не имѣетъ вящшаго желанія, какъ видѣть меня заключившаго узы благополучнаго брака; обожаемая мною дщерь твоя сопряжена союзомъ крови съ Королями бургундскими, порода ея и высокія добродѣтели благопоспѣшествуютъ моей любви, и ничто не воспротивится моему благоденствію.

Графиня желала бы, чтобъ ввѣрилъ онъ ей причину своего странствованія, и употребляла различныя околичности, дабы въ томъ преуспѣть; но Оттонъ думавшій всегда, что Лотарій его солюбовникъ, который скрылъ отъ него только имя Астеріи, дабы его обмануть, и свататься за нее вмѣсто Адѣлеиды, толь сильно остерегался, что не вымолвилъ ни одного слова могшаго предать его тайну, вознамѣрясь здѣлать Принцессу бургундскую королевою Лонгобардскою, сколько для интересовъ Лотаріевыхъ, столько и для пользы своея любви.

И такъ Графиня Монмеліанъ не могши успѣть въ своемъ намѣреніи, довольствовалась тѣмъ, что бы узнать, что думаетъ онъ объ Аделеидѣ. Для сей причины принявъ на себя притворно печальный видъ: ты не можешь сомнѣваться, государь, сказала ему, чтобъ мы крайне не ласкали себѣ Астерія и я, чинимою тобою намъ честію, и тебѣ надлежало познать изъ того, что она тебѣ изъявила, что сердце ея еще гораздо чувствительнѣе къ достоинству Оттонову, нежели къ ево коронѣ; но опасаюсь, чтобъ не перемѣнилъ ты своея склонности, когда увидишь Принцессу бургундскую: она заключаетъ въ своей особѣ и нравѣ толь удивительныя качества и красоту, что ты несомнѣнно раскаешься, обративъ глаза на Астерію. Горячность моя къ ней меня не ослѣпляетъ, и не можетъ мнѣ воспретить признаться, что Аделеида есть наисовершеннѣйшая особа въ свѣтѣ; и что естьли бы пожелала я ей супруга, то бы никто иный не былъ кромѣ Принца Нѣмецкаго; Конрадъ самъ непремѣнно огорчится, удивя тебя пред-

предпочтившаго одну изъ его подданныхъ дщери Рудольфовой, и сколь бы ни велика была слава, коею хочешь ты почтить Астерію, однако отваживаюсь совѣтовать тебѣ, что бы не рѣшить прежде ничего о ея и твоей судьбинѣ, пока не увидишь ты Принцессы.

Оттонъ не уразумѣвшій сокровеннаго толку сихъ словъ, и взиравшій на совѣтъ Графининъ какъ на оскорбленіе его вѣрности, клялся ей, что хотя бы Адѣлеида еще стократно была прекраснѣе, нежели она старается его о томъ увѣрить, однако Астерія превозможетъ всегда надъ его сердцемъ, и молилъ ее съ толикимъ жаромъ о томъ болѣе не говорить, что опасаясь надмѣру открыться, и преступить повелѣніи Принцессины, перестала она его къ тому принуждать. Съ того дня здоровье Принцево часъ отъ часу возстановлялось, и любовь дѣлала новые успѣхи надъ сердцемъ ево и мнимыя Астеріи; она разсудила, что время ужѐ приспѣло отъ него отлучиться, и ѣхать для принятія своего достоинства и прямаго имени при дворѣ, дабы привести тамъ въ

прїятное удивленїе плѣненнаго ею Героя.

Какое удовольствїе, дражайшая моя Графиня, говорила она госпожѣ де Монмелїанѣ, наградить знаменитаго моего избавителя, показавъ ему Адѣлеиду въ той, которую онъ почитаетъ только за Астерїю; сколь прїятно, продолжала она, сколь сладко нѣжному сердцу, не долженствовать ни достоинству своему, ни политикѣ государственной, старанїями такого Принца, каковъ Оттонъ, и получить оныя единственно отъ любви; сколь велика будетъ ево радость, дражайшая Графиня, сколь велика будетъ моя, сколь прелестно будетъ его удивленїе для счастливѣйшей Адѣлеиды! Я горю желанїемъ поспѣшить сею минутою.

Такимъ образомъ сїя прекрасная Принцесса дѣлала себѣ прїятное вообраяженїе того дня, который по желанїямъ ея долженствовалъ быть прекраснѣйшїй въ ея жизни: однакожъ Небо назначило, чтобъ оный былъ наизлополучнѣйшїй.

Нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ Оттонъ готовился ѣхать, Адѣлеида притворилась, будто Принцесса скучая

чая о ея отсутствіи приказала ей быть ко двору; и хотя должно ему было, слѣдовать за нею скоро, однако ужасное безпокойство овладѣло его душею при семъ разставаніи. Мнимая Астерія то примѣтила, и утѣшала его наиобязательнѣйшими словами. Онъ просилъ ее обѣщать ему, что забавы двора веселаго и знатнаго не побудятъ ее позабыть прелестнаго уединенія, въ коемъ незапный случай допустилъ имъ свидѣться, и что Графъ Ниремберскій часто имѣть будетъ свободу говорить ей о Оттонѣ. Она его въ томъ обнадежила, и прося поспѣшить своимъ отъѣздомъ, въ путь отправилась, а Принцъ Нѣмецкій призвалъ къ себѣ на другой день Графа д' Алоста, и приказалъ ему дѣлать пріуготовленіи ко въѣзду его въ Віенну.

КОНЕЦЪ ШЕСТОМУ ТОМУ.

N B. Окончаніе сея повѣсти послѣдуетъ въ седьмомъ Томѣ сихъ Новостей.

